КАМЕНЕВ
ОБ ИЛЬИЧЕ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН 141
О-115

ЕН 141
О-115

КАМЕНЕВ
ОБ
ИЛЬИЧЕ

Издательство «КУБУЧ»
ЛЕНИНГРАД—1926

ЕН 141
О 115

КАМЕНЕВ

ОБ

ИЛЬИЧЕ

1 экз

Издательство «КУБУЧ»
ЛЕНИНГРАД—1926

СОДЕРЖАНИЕ.

	стр.
1) Учение Ленина	3
2) Работа по Ильичу	41
3) Ленин	73
4) Дело Ленина	87

Библиотека
Института Ленина
при ЦК. В. К. П. (б.)

(895 4001 с.1 ЕНІАІ
24) О-115
4422 1058391

Тип. „Красной Газеты", им. Володарского, Ленинград, Фонтанка, 57.
Ленинградский гублит № 8264. Заказ № 4027. Тираж 11.000.

1. Учение Ленина.

— Товарищи, мы приближаемся к годовщине того дня, когда мировой пролетариат и наша партия потеряли своего вождя. В эти дни мне трудно было бы говорить только о том, как мы жили без Ильича, что мы делали без него. И у меня и у вас, вероятно, одинаковая потребность вспомнить то, чему учил Владимир Ильич, вспомнить, что он заповедал нам в те дни, когда он уходил от нас, и проверить нашу работу, сверяя ее и с общим учением Владимира Ильича и с последними его указаниями. Поэтому позвольте мне начать с изложения самых важных пунктов того, что мы зовем ленинизмом.

Владимир Ильич на грани новой всемирно-исторической эпохи возглавил трудящееся человечество в его борьбе за лучшее будущее. Это лучшее будущее человечества представлялось Владимиру Ильичу, как коммунизм. Что это такое, что собственно имел в виду Владимир Ильич, когда звал нас вести мировой пролетариат и все угнетенное человечество к борьбе за коммунизм? Если вы развернете сочинения

Владимира Ильича и будете искать в них детального описания того общества, того строя, за который он боролся,—вы этой детальной картины там не найдете. Так же, как и все подлинные революционеры, Владимир Ильич не любил рисовать картин будущего строя; он знал, что этот будущий строй сложится в результате усилий десятков и сотен миллионов людей и что предугадать детали этого общества невозможно. В одной из основных своих работ „Революция и государство" Владимир Ильич сказал прямо, что нет еще фактов для того, чтобы точно представить себе детали общественного устройства коммунистического общества.

Но основные черты этого будущего, единственного будущего, которое может освободить человечество от ярма всяческого рабства, были ясны Владимиру Ильичу, и они ясны нам—и это именно те черты, которые способны вдохновить миллионы на борьбу, и ради которых миллионы действительно борются. Это общество, в котором должны быть уничтожены классы, это общество, в котором, благодаря уничтожению классов, будет уничтожено всякое насилие человека над человеком; это, наконец, общество, которое целиком овладеет всеми богатствами, создаваемыми трудом человека, всеми достижениями техники и науки, и поставит все эти материальные богатства, все эти достижения на службу всего человечества. Это значит, что это будет такое общество, в котором впервые будет осуществлено подлинное равенство, действительная

свобода и истинное сотрудничество людей. Вот те основные черты коммунистического общества, которые могут и должны сделать из него такую общину, в которой осуществится лозунг великих социалистов: каждый дает по способностям и получает по потребностям! Это высшая фаза коммунистического общества.

Мы знаем, что мечта об обществе, в котором было бы осуществлено подлинное равенство, действительная свобода, истинное сотрудничество людей, что эта мечта не раз возникала в истории человечества. Чем глубже было угнетение, чем сильнее было неравенство, чем меньше было свободы, чем больше было насилия,—тем выше вздымались мечты об этом обществе. История показывает нам, как исходившие из глубины подавленных, угнетенных человеческих масс мечтания об этом обществе затвердевали в религиозных системах и затем, благодаря диалектике истории, превращались сами в своем затвердевшем религиозном виде в орудие порабощения. Ильич не был мечтателем. Он хотел этой действительной свободы, этого истинного равенства не для бесплотных духов, а для материальных, живых, подлинных людей. Он был материалист.

На вопрос: возможно ли это общество, не есть ли это неосуществимая мечта, сказка, фантазия, призрак, за которым гонится угнетенное и порабощенное человечество,—на этот вопрос он отвечал как материалист: „Да, возможно, если мы в борьбе за это будущее будем опираться

на самые реальные вещи—на развитие производительных сил, т.-е. на наличные силы природы и умение человечества ими коллективно овладеть".

На этого мало. Ильич не только был материалистом в понимании развития современного общества, он знал сам и нас учил понимать, что только тогда это будущее будет осуществлено, если порабощенные массы познают и овладеют основным законом всей человеческой истории—законом классовой борьбы, если, познав этот закон, овладев им, научившись руководствоваться этим законом, угнетенное сейчас человечество во главе с пролетариатом сделает закон классовой борьбы орудием достижения коммунистического общества.

Ильич был не только провозвестником будущего коммунистического общества, не только материалистом в понимании этого общества, не только марксистом, сторонником классовой борьбы в понимании путей к этому обществу,— он был подлинным революционером в понимании тех методов борьбы, которые должен применить пролетариат для того, чтобы осуществить это общество.

Здесь необходимо отметить то новое, что внес в учение коммунизма Ленин сравнительно с Марксом. Маркс создал учение о неизбежности, о непреложности прихода коммунистического общества, и он же доказал, исходя из анализа капиталистического общества, что коммунистическое общество придет через классовую борьбу пролетариата и его победу, т.-е. через неизбеж-

ную пролетарскую революцию. Маркс поэтому является величайшим учителем пролетариата. Но мало того. Маркс в первых массовых выступлениях рабочих сумел выделить, подчеркнуть, выдвинуть то, что делало эти выступления провозвестниками будущей борьбы пролетариата за социалистический и коммунистический строй. Он изучил и вывел все необходимые уроки из анализа первых проблесков дела социалистической борьбы пролетариата, из борьбы пролетариата в революциях 48 года и революции 71 года. Но дальше в деле изучения самого *механизма пролетарской революции* Маркс пойти не мог по той простой причине, что эра пролетарских революций, эпоха, центром характеристики которой являются пролетарские революции, в его дни еще не наступила.

Ленин пришел и начал свою работу как раз в тот момент, когда человечество, весь мир переходил из периода мирного, на внешний взгляд, органического развития капитализма к новой всемирно-исторической эпохе, к эре пролетарских революций. Именно поэтому Ильичу выпало на долю пойти дальше Маркса; не только подтвердить учение Маркса о неизбежности пролетарской революции, не только двинуть вперед изучение первых шагов пролетарской революции, но и *создать учение о механике пролетарской революции в действии.*

Ленин руководил первой в мире пролетарской революцией, он изучал на живых исторических фактах, на движениях масс (например,

массовые политические стачки и их сочетание со стачками экономическими), на анализе тех новых форм организации, которые созданы подлинным массовым движением (например, советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов), такие явления *пролетарской революции в действии*, которые неведомы были Марксу, не могли быть Марксу ведомы.

Для этого должны были сойтись специальные условия. Первое и основное условие заключалось в том, что человечество вместе с Лениным вступило в новую империалистическую эпоху, т.-е. в эпоху назревания и перезревания капитализма, а вместе с тем и в эпоху острейших столкновений противоречивых сил, развившихся внутри капитализма, т.-е. буржуазии и пролетариата. Это первое основное условие, которое позволило Ленину двинуться дальше Маркса и прибавить к учению Маркса о неизбежности пролетарской революции учение о самом ходе и внутренних законах пролетарской революции.

Второе условие—это то, что Ленин, как политик, вырос среди пролетариата России, который, благодаря специальным условиям, благодаря задержке буржуазной революции и страшному, застарелому, задержавшемуся гнету царизма и феодализма, отличался особенной революционностью. Пролетариат России не мог быть и не был еще захвачен тем мещанским благополучием, которое в известные моменты развития капитализма давало возможность буржуазии обманывать или запуты-

вать верхушки пролетариата в те или иные иллюзии. А вместе с тем Ленин мог наблюдать и должен был изучать подлинное массовое революционное движение крестьянства, которое именно в России „дополнило" революционное движение пролетариата. Маркс только гениально наметил этот тип революции, где революция пролетариата „дополняется" крестьянским восстанием. Ленин жил в период именно подобной революции, и это не могло не дать ему материал для сильнейшего обогащения учения Маркса о революции.

Революционная ситуация и революционное настроение в России на рубеже XIX и XX столетий, подлинный революционный инстинкт пролетарских масс, сочетание рабочей и крестьянской революций—вот второе условие, которое создало возможность для Ильича двинуться вперед и не только применить марксизм к новым условиям, но дополнить марксизм теми новыми чертами, которые превращают марксизм из учения о неизбежности пролетарской революции в подлинное руководство пролетарской боевой организации в самом ходе пролетарской революции. А это и делает из марксизма ленинизм.

Если вы с этой точки зрения посмотрите на работы Ильича о самом Марксе, то вы увидите, как внимательно изучал Ленин у Маркса именно те черты, не очень многочисленные, нужно сказать, по условиям, о которых я выше говорил, те черты, в которых Маркс сам приближался

к вопросам механики пролетарской революции. Никто больше, чем Ильич, из всех марксистов не изучал так подробно, так внимательно и, так сказать, актуально, не с целью академических исследований, а с целью непосредственного применения к жизни тех сторон работ Маркса, которые связаны с революционной непосредственной массовой борьбой пролетариата в революциях 1848 года. Вопросы о восстании, которые Маркс изучал на основе первых европейских революций 1789 и 1848 г.г. и которые среди европейских социал-демократов считались чем-то более или менее случайным в общей системе марксизма, эти черточки Ильич особенно внимательно выбирал у Маркса, понимая, что именно в настоящую эпоху пролетарских революций эти гениальные зародыши мысли Маркса о механизме пролетарской революции будут особенно ценны. Поэтому же у Маркса Ленин изучал с особенным вниманием то, что Маркс сказал о Парижской Коммуне. Больше опять-таки, чем какой-либо из учеников Маркса, Ленин подверг особому изучению эту гениальную попытку Маркса проанализировать первый опыт пролетарской Коммуны, пролетарского государства, опыт, продолжавшийся только 3 месяца, кончившийся неудачей, но который предвосхищал весь дальнейший путь пролетариата в борьбе за власть. Наконец, с особенным вниманием, которое опять-таки напрасно было бы искать у какого-либо другого ученика Маркса и можно найти только у Ленина, изучал Ленин у Маркса все

малейшие намеки, мысли, указания на диктатуру пролетариата и на характер той государственной власти, которая должна быть создана победившим пролетариатом.

Особое и давнее внимание Ленина к этим сторонам учения марксизма сразу выделяет его из всех прочих учеников Маркса, которые больше всего занимались опошлением марксизма, больше всего занимались притуплением именно революционных боевых сторон марксизма, как учения о пролетарской революции. Это внимание Владимира Ильича к этим сторонам марксизма—это первый из показателей того, что центр тяжести своего учения Владимир Ильич видел—и видел справедливо—в учении о механике пролетарской революции в действии.

Другой, и важнейший, показатель—это то, что первый после Маркса и гораздо более широко и действенно, чем Маркс, Ильич в своем учении поставил проблему власти и государства. Это проблема государственной власти была совершенно снята с порядка дня европейских марксистов и европейской социал-демократии в последние десятилетия XIX века. После франко-прусской войны и неудачи Коммуны, после 71 года, мы видели, как я уже выразился, эпоху, которую можно было бы характеризовать, как эпоху мирного, органического развития. (Слова „мирного“ и „органического“ надо, конечно, взять в кавычки потому, что „мирное“ развитие капитализма зиждилось само по себе на крови миллионов рабочих, на насилии над мил-

лионами колониальных рабов, но по внешности оно носило именно характер мирного, органического развития, не прерываемого каким-нибудь вулканическим, революционным извержением снизу). В этот период марксисты, европейская социал-демократия сняли совершенно с порядка дня вопрос о государственной власти. Речь шла о том, чтобы улучшить положение рабочего класса в данных условиях на почве данных капиталистических отношений. Ни в пропаганде, ни в агитации, ни в организации вопросы не ставились таким образом, что дело идет о подготовке к переходу власти из рук одного класса в руки другого класса.

Первое событие, которое прервало эту полосу и которое выдвинуло вперед вопрос о власти,—это была революция 1905 года, а первый революционный мыслитель, который оформил этот вопрос, который поставил его вновь в упор и перед идеологами рабочего класса и перед самой рабочей массой,—это был Владимир Ильич, и эта острая постановка основного вопроса всякой революции—вопроса о власти,—и есть одна из самых характерных, из самых важных черт учения Владимира Ильича. Перед Владимиром Ильичем стояла новая задача—определить, что такое власть в руках нового класса. Будет ли государственная власть в руках пролетариата тем же самым, что государственная власть в руках буржуазии? Каковы условия перехода власти от буржуазии к пролетариату: те же самые, т.-е. условия, которые были налицо при пере-

ходе власти от помещиков к буржуазии, или переход власти от буржуазии к пролетариату представляет нечто принципиально новое, что изменяет самый облик власти и, следовательно, самое содержание государства? Наконец, какова форма государственной власти в руках пролетариата? Это все вопросы пролетарской революции в действии, которые не были поставлены, не могли быть практически поставлены учителями Ленина—Марксом и Энгельсом, из которых он исходил, на которых он целиком опирался, учение которых он целиком принял, но которое он двинул вперед сообразно новым условиям эпохи пролетарской революции.

Надо понять, что все эти вопросы, намеченные мною, не могли ставиться Ильичем в каких-либо национально-ограниченных рамках. Горький как-то сказал, что учение Владимира Ильича и самое явление Владимира Ильича есть явление планетарное, т.-е. такое, которое охватывает всю нашу планету. Слово это может быть звучит слишком торжественно,—Ильич не любил торжественности ни в чем, но по существу оно правильно, ибо те вопросы, которые поставил Владимир Ильич, как и то движение, которое он возглавлял, носят характер полной международности, охватывают человечество все целиком. Они, эти вопросы и ответы, ставят и решают не национальную проблему пролетариата России, Франции, Германии, или Англии, или Америки, они ставят вопросы в общем, интернациональном масштабе.

То, чему учил Владимир Ильич, отнюдь не сводится к учению о том, как в той или другой стране может победить социализм. Правда, Владимир Ильич часто говорил о том, что коммунисты каждой данной страны обязаны *начинать* пролетарскую революцию именно со своей страны. Он часто указывал на то, что всякая попытка отговориться от того, чтобы начать революцию в той или другой стране, отговориться тем, что данная страна отсталая, страна с недостаточно развитым капитализмом, что это есть лицемерная попытка оттянуть пролетарскую революцию, или снять с себя ответственность, свалив на пролетариат другой страны честь почина. Особенно во время империалистской войны он беспощадно бичевал подобные попытки отговориться отсталостью данной страны, он настаивал на том, что социалисты, коммунисты, революционный пролетариат каждой данной страны должны стремиться начать революцию сами у себя, не дожидаясь покуда начнет пролетариат другой страны. Но начало и победа пролетарской революции в данной стране были для Ленина способом вызвать дальнейшее движение мировой революции. Особенно это относится к победе пролетарской революции в отсталой стране. Мы должны начать,—говорил Ленин,—но продолжить и закончить можем только мы все вместе, или, по крайней мере, несколько передовых промышленных стран совместно. Мы должны начать, но окончательно победить социализм может только на пространстве ряда капи-

талистических и промышленных стран. Поэтому верно, когда говорят о том, что учение Ильича не есть учение, не есть теория о победе социализма в отдельной стране, а есть теория о том, что, где бы ни началась пролетарская революция, она только тогда придет к окончательной победе, когда сумеет в свой водоворот захватить целый ряд стран.

Таким образом, не только революционная постановка всех вопросов марксизма, но и интернационализация пролетарского движения, интернационализация вопросов и подготовки пролетарской революции являются основными чертами Владимира Ильича и делают его вождем международного пролетариата. Ленин стал интернациональным вождем не только потому, что международный пролетариат увидел в движении, возглавленном Лениным у нас, в России, первое осуществление своей мечты, цели своей борьбы, а потому, что по самому характеру учения Ленина оно интернационально.

Позвольте мне теперь уже не своими словами, а словами самого Владимира Ильича, проследить в самых кратких чертах, как Владимир Ильич переходил от одного вопроса к другому в проблеме механики пролетарской революции. Когда я просматривал сочинения Владимира Ильича для сегодняшнего доклада, я имел в виду рассказать учение Владимира Ильича в тех частях, к которым я сейчас перехожу, своими словами. Но и на этот раз, как и раньше, случилось то, что случается, вероятно, с каждым, кто читал

Владимира Ильича: почти невозможно передать своими словами те четкие, точные и ясные формулировки, которые дал своим мыслям Владимир Ильич. Всякая попытка изложить эти формулировки своими словами является не облегчением, а затруднением для читателя или слушателя. Поэтому я решил посвятить часть своего доклада прочтению некоторых цитат из Владимира Ильича. Я только выбрал и расположил их в том порядке, который, как мне кажется, правильно и точно излагает, как Владимир Ильич переходил с одной ступеньки на все более высокую и высокую в разрешении вопросов пролетарской революции.

Первое. Как рисуется Владимиру Ильичу его враг? И почему перед лицом этого врага он не остался пропагандистом, агитатором, теоретиком? Откуда та революционная страсть, которая сделала его полководцем сражающейся пролетарской армии? Мне кажется, ответ на это в тех словах Владимира Ильича, которые он написал в 1919 году в ответ на вопросы американского журналиста. Вот что пишет Владимир Ильич: „По сравнению с феодализмом, капитализм был всемирно-историческим шагом вперед по пути „свободы", „равенства", „демократии", „цивилизации". Но тем не менее капитализм был и остается системой наемного рабства, порабощения миллионов трудящихся, рабочих и крестьян, ничтожному меньшинству современных рабовладельцев, помещиков и капиталистов. Буржуазная демократия изменила форму этого эко-

номического рабства, по сравнению с феодализмом, создала особенно блестящее прикрытие для него, но не изменила и не могла изменить его сущности. Капитализм и буржуазная демократия есть наемное рабство.

Гигантский прогресс техники вообще, путей сообщения особенно, колоссальный рост капитала и банков сделали то, что капитализм дозрел и перезрел. Он пережил себя, он стал реакционнейшей задержкой человеческого развития. Он свелся к всевластию горстки миллиардеров и миллионеров, толкающих народы на бойню...

Во время войны 1914—1918 г.г. десятки миллионов людей убиты и искалечены именно из-за этого, только из-за этого. Сознание этой истины с неудержимой силой и быстротой распространяется среди массы трудящихся во всех странах...

Крах капитализма неизбежен. Революционное сознание масс растет везде. Об этом говорят тысячи признаков.

Капиталисты, буржуазия могут в „лучшем" для них случае оттянуть победу социализма в той или другой отдельной стране ценой истребления еще сотен тысяч рабочих и крестьян. Но спасти капитализм они не могут. Не могут спасти частную собственность на землю, фабрики и прочие средства производства, ибо эта частная собственность есть источник эксплоатации немногими многих, источник нищеты масс, источник грабительских войн между народами, обогащающих только капиталистов".

Ин-т Ленина при ЦК ВКП(б)
Библиотека
1058391
С 92
4922

Казалось бы, слова обычные. Мало ли сказано сильных слов против капитализма, против войн? Я привел их потому, что мне кажется здесь с особенной наглядностью сконцентрирована вся та ненависть к капитализму, *как к тормозу дальнейшего развития всего человечества*, которая, несомненно, пронизывала Владимира Ильича, которая диктовала ему выступления, которая определила его поведение. Именно эта полная уверенность, это приобретенное на основе марксизма твердое знание, что капитализм, который был некогда прогрессивным явлением, пережил и изжил себя, стал реакционнейшей задержкой человеческого развития, тормозом для всякого развития человеческого рода,—это было исходной точкой той железной цепи умозаключений, которая заканчивалась лозунгом организации восстания большинства человечества против губящего человечество тормоза его дальнейшего развития. Но мало знать, что капитализм, который был некогда прогрессивным, сейчас стал тормозом общего развития. А выход где? Кто выведет из этого тупика, на котором запнулось человечество? Этот ответ Владимир Ильич тоже дал. Мы все знаем этот ответ. Но мне хотелось бы, чтобы вы вновь услышали слова Ильича, его собственные слова. Вот его ответ на вопрос, кто выведет человечество из тупика, куда привел его капитализм: „Маркс видел прогрессивную, революционную работу капитализма в том, что он, обобществляя труд, в то же самое время механизмом самого процесса „обучает, об'единяет

и организует рабочий класс", об'единяет для „экспроприации экспроприаторов", для захвата политической власти и отнятия средств производства из рук „немногих узурпаторов" для передачи их в руки всего общества".

В этих словах самое характерное это то, когда они написаны, когда была провозглашена эта программа, которая есть программа и нашей Октябрьской революции и всех будущих пролетарских революций, ибо все будущее пролетариата целиком и полностью заключено в этих словах. Эти слова написаны в 1894 году—30 лет назад, за 23 года до Октябрьской революции, в царском подполье, когда самих марксистов можно было пересчитать по пальцам, а рабочий класс не имел еще даже зачатков сколько-нибудь массовидной организации, когда самой партии еще не существовало.

Мы знаем теперь, со слов Ильича, врага, который стоит поперек развития всего человечества, и бойца, который сломит этого врага; но как, каким путем пролетариат сломит своего врага? Владимир Ильич отвечал совершенно беспощадными словами. Он говорил: путь освобождения—война.

„Революция есть война. Это—единственная законная, правомерная, справедливая, действительно великая война из всех войн, какие знает история. Эта война ведется не в корыстных целях кучки правителей и эксплоататоров, как все и всякие войны, а в интересах массы народа против тирана, в интересах миллионов и десятков

миллионов эксплоатируемых и трудящихся против произвола и насилия"...

Это написал Ильич в 1905 году, а в 1917 повторил:

„Революция настоящая, глубокая, „народная", по выражению Маркса, революция есть невероятно сложный и мучительный процесс умирания старого и нарождения нового общественного строя, уклада жизни десятков миллионов людей. Революция есть самая острая, бешеная, отчаянная классовая война и гражданская война".

В чем величие и сила „настоящих, глубоких, народных" революций? И сила и величие их в том, что в революции *действуют*, *решают*, воспитываются к активной исторической деятельности массы, обычно в исторические будни стоящие в тени.

„В истории революции, — писал Ленин в 1905 году, — всплывают наружу десятилетиями и веками зреющие противоречия. Жизнь становится необыкновенно богата. На политическую сцену активным борцом выступает масса, всегда стоящая в тени и часто поэтому игнорируемая или даже презираемая поверхностными наблюдателями. Эта масса учится на практике, у всех перед глазами, делая пробные шаги, ощупывая путь, намечая задачи, проверяя себя и теории всех своих идеологов. Эта масса делает героические усилия подняться на высоту навязанных ей историей гигантских мировых задач и, как бы велики ни были отдельные поражения, как бы ни ошеломляли нас потоки крови и тысячи

жертв, — ничто и никогда не сравнится, по своему значению, с этим непосредственным воспитанием масс и классов в ходе самой революционной борьбы".

И Ильич тут же дает чрезвычайно важное указание, которое в очень значительной степени определяет тактику революционной партии в ходе революции и которое сам Ильич никогда не забывал. „Революционная война, — писал Ильич,—отличается от других войн тем, что она черпает свой главный резерв из лагеря вчерашних союзников своего врага". С выводами из этого замечательного положения мы еще встретимся, когда подойдем к вопросу о резервах пролетарской революции, к вопросу об отношении пролетариата к крестьянству.

Итак, мы знаем, со слов Ильича, врага, знаем, кто славный боец, знаем, что спор может быть решен войной, которая называется революцией. Знаем, что эта война будет тем плодотворнее, победоноснее, но и острее, чем большие массы будут втянуты в нее.

Каковы же условия победы в этой войне? Если в этой войне пролетариат победит, что будет знамением его победы, во что выльется его победа? У Ильича ясный ответ на этот вопрос. Победа в этой войне есть диктатура. Вот ответ Ильича. Почему, спрашивает Ильич, нельзя достигнуть той цели, к которой мы стремимся, без диктатуры одного класса, почему нельзя прямо перейти к чистой демократии, т.-е. к действительному равенству, к действительной

свободе? „Мы отвечаем,—говорит Ильич,— потому, что в капиталистическом обществе решающее значение может иметь либо буржуазия, либо пролетариат. Потому, что из общества, в котором один класс угнетает другой, нельзя выйти иначе, как диктатурой угнетенного класса. Потому, что победить буржуазию, свергнуть ее в состоянии только пролетариат, ибо это единственный класс, который об'единен и вышколен капитализмом и который в состоянии увлечь за собой колеблющиеся массы трудящихся, живущих по мелко-буржуазному. Потому, что только сладенькие мещане и филистеры могут мечтать, обманывая этими мечтами и себя и рабочих, о свержении ига капитала без долгого и трудного подавления сопротивления эксплоататоров".

Указывая на то, что именно диктатура и только диктатура может явиться формой победы в гражданской войне между пролетариатом и буржуазией, Ильич отдавал себе совершенно ясный, совершенно точный отчет в беспощадно-жестоком смысле этого ответа. Я процитирую ниже его слова о „тяжелом, жестоком, мучительном" смысле этого ответа. Поэтому Владимир Ильич неоднократно возвращался еще раз и еще раз к обманным сладеньким словам о возможности обойтись без диктатуры.

Вы понимаете хорошо, что сейчас наше отличие—коммунистов—от всяких других политических партий, групп и фракций, стремящихся оказать воздействие на рабочий класс, заключается именно в вопросе о диктатуре. Вы знаете,

что опасения перед жестокими формами диктатуры заставляют еще часть отсталых слоев пролетариата и отсталые массы крестьянства отдавать свое доверие тем обманщикам, тем лицемерам, которые обещают им дать равенство и свободу без диктатуры. Поэтому-то Владимир Ильич внимательнейшим образом исследовал этот вопрос: можно ли действительно перейти к новому строю без диктатуры. И один из ответов его—ответ чрезвычайно важный, потому что он характеризует все представление Владимира Ильича о будущем государстве, о государстве без гнета капитала, — я приведу сейчас: „От капиталистической демократии, неизбежно узкой, тайком отталкивающей бедноту, а потому насквозь лицемерной и лживой,—развитие вперед не идет просто, прямо и гладко к все большей и большей демократии, как представляют дело либеральные профессора и мелко-буржуазные оппортунисты", очень часто называющие себя социалистами,—добавляю я. „Нет,—продолжает Ильич,—развитие вперед, т.-е. к коммунизму, идет через диктатуру пролетариата и иначе итти не может, ибо сломить сопротивление эксплоататоров больше некому и иным путем нельзя. А диктатура пролетариата, т.-е. организация авангарда угнетенных в господствующем классе для подавления угнетателей, не может дать просто только расширения демократии. *Вместе* с громадным расширением демократизма, *впервые* становящегося демократизмом для бедных, демократизмом для народа, а не демократизмом

для богатеньких, диктатура пролетариата дает ряд из'ятий из свободы по отношению к угнетателям, эксплоататорам, капиталистам. Энгельс,— продолжает Ленин, — прекрасно выразил это, сказав, что „пролетариат нуждается в государстве не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда можно будет говорить о свободе, — не будет государства".

Эти слова дают нам ключ не только к пониманию того, как Ленин представлял себе диктатуру, и того, почему диктатура является неизбежным этапом между капитализмом и коммунизмом, но дает точную картину его представления о государстве. Мы все живем восемь лет в государстве своем, понемножку привыкли к этому, и поэтому в такие дни, когда мы хотим охватить общим взглядом все учения Ленина, полезно вспомнить, чему нас учил Ленин о государстве. Да, и наше пролетарское государство есть только преходящее, оно не есть воплощение свободы, оно, как говорит Ленин, нужно пролетариату прежде всего в интересах подавления своих противников. А когда эти противники будут подавлены, когда, пройдя через школу собственного государства, массы сами научатся управлять государством, когда пролетарские массы, привлекая крестьян, организуют производство на началах действительно коммунистических, тогда, говорит Ленин, подчеркивая учения Маркса, тогда государство будет не нужно, оно отомрет, и только тогда можно будет го-

ворить о свободе, а покуда надо говорить не о свободе, а о борьбе.

Да, свобода, равенство, демократия впервые в пролетарском государстве становятся, как говорит здесь Ленин, демократией, т.-е. равенством, свободой, участием в государственных делах не для богатых, а для бедных, не для кучки эксплоататоров, а для всей массы угнетенных. Но это еще не то, к чему мы идем, это еще не коммунизм, это—боевая дубинка в руках пролетариата для завоевания коммунизма против всех остатков старого буржуазного режима. Вот зачем нужна диктатура, вот зачем нужно государство пролетариату, победившему буржуазию.

Тут встает следующий вопрос: а почему же эта диктатура должна быть диктатурой *пролетариата*? Почему она не может быть диктатурой вообще угнетенных, вообще трудящихся?

Вы видите цепь мыслей, которую развертывает перед нами Владимир Ильич. Капитализм, ставший тормозом дальнейшего развития всего человечества, должен быть превзойден. Гражданская война—это единственный метод решения этого вопроса между пролетариатом и буржуазией. Диктатура пролетариата — это единственная форма действительной победы: не соглашение, не взаимные уступки, не мирный договор между буржуазией и пролетариатом, а диктатура. Но почему же диктатура пролетариата, а не всех угнетенных?

Владимир Ильич отвечает на этот вопрос: „Только тот из угнетенных классов способен

своей диктатурой уничтожить классы, который обучен, об'единен, воспитан, закален десятилетиями стачечной и политической борьбы с капиталом; только тот класс, который усвоил себе всю городскую, промышленную крупнокапиталистическую культуру, имеет решимость и способность отстоять ее, сохранить и развить дальше все ее завоевания, сделать их доступными всему народу, всем трудящимся; только тот класс, который сумеет вынести все тяжести, испытания, невзгоды, великие жертвы, неизбежно возлагаемые историей на того, кто рвет с прошлым и смело пробивает себе дорогу к новому будущему; только тот класс, в котором лучшие люди полны ненависти и презрения ко всему мещанскому и филистерскому, к этим качествам, которые так процветают в мелкой буржуазии, у мелких служащих, у интеллигенции; только тот класс, который „проделал закаляющую школу труда" и умеет внушать уважение к своей трудоспособности всякому трудящемуся, всякому честному человеку"...

В другом месте Ильич пишет: „Свержение господства буржуазии возможно только со стороны пролетариата, как особого класса, экономические условия существования которого подготовляют его к такому свержению, дают ему возможности и силу совершить его. В то время, как буржуазия раздробляет, распыляет крестьян и все мелкобуржуазные слои, она сплачивает, об'единяет, организует пролетариат. Только пролетариат в силу экономической роли его в круп-

ном производстве способен быть вождем всех трудящихся и эксплоатируемых масс, которые буржуазия эксплоатирует, гнетет, давит часто не меньше, а сильнее, чем пролетариев, но которые неспособны к самостоятельной борьбе за свое освобождение".

Вот видите, что этот ответ Ильича возлагает именно на пролетариат особую историческую миссию, передает именно в его руки диктатуру, т.-е. всю железную власть в деле реорганизации всего человечества. Вы видите, что Владимир Ильич исходит при этом из точного, научного, чисто-материалистического анализа роли пролетариата в производстве. Не потому пролетариату принадлежит диктатура, что он больше угнетен (может быть, некоторые слои крестьянства угнетены больше); не потому, что пролетариат обладает какими-то особыми качествами характера или ума,—нет, а потому, что он своею ролью в производстве, своею выучкой, школой труда, об'единением в капиталистическом рабстве больше всех остальных классов организован и подготовлен для того, чтобы до конца провести и победоносно закончить решительную борьбу с капиталом.

Но что такое диктатура пролетариата? Позвольте опять-таки говорить словами Ильича. „Научное понятие диктатуры, — учил Ильич, — обозначает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть". „Диктатура —

есть железная власть, революционно смелая и быстрая, беспощадная в подавлении".

Но у нас часто теперь, когда мы восемь лет живем в режиме пролетарской диктатуры, эту диктатуру тоже понимают статически, не по-марксистски, не по-ленински, не диалектически, не в ее развитии. Поэтому полезно вспомнить, что Ильич говорил еще в 1921 г.: „Диктатура пролетариата обозначает не прекращение классовой борьбы, а продолжение ее в иной форме и новыми оружиями. Диктатура есть ожесточенная война"... но война эта еще не кончена в тот момент, когда пролетариат берет власть в свои руки.

Итак, диктатура есть, прежде всего, власть. Диктатура не есть союз одного класса с другим. Диктатура есть власть пролетариата, это есть власть, которая взята им не для того, чтобы прекратить борьбу, а для того, чтобы продолжать свою классовую борьбу, но в иной форме и новым оружием - оружием государственной власти, т.-е. оружием, которого не было у пролетариата, когда власть принадлежала другому классу. Диктатура пролетариата есть продолжение борьбы. Но, мало того, Ильич прямо говорит:

„Мы идем в бой: это есть содержание диктатуры пролетариата. Прошли те времена наивного, утопического, фантастического, механического, идеалистического, интеллигентского социализма, когда дело представлялось так, что убедит большинство людей, нарисует красивую картинку социалистического общества и станет

большинство на точку зрения социализма. Миновали те времена, когда этими детскими побасенками забавляли себя и других. Марксизм, который признавал необходимость классовой борьбы, говорил: к социализму человечество не придет иначе, как через диктатуру пролетариата. Диктатура слово тяжелое, жесткое, кровавое, мучительное, и этакие слова на ветер не бросают. Если с этаким лозунгом выступили социалисты, то это потому, что они знают, что иначе, как в отчаянной, беспощадной борьбе, класс эксплоататоров не сдастся и что он будет всякими хорошими словами прикрывать свое господство". Итак, диктатура есть власть, взятая для того, чтобы продолжать борьбу. Диктатура— это означает: „мы идем в бой".

Власть политическая, власть, основанная на насилии, направленная против всех врагов, нужна для того, чтобы продолжать борьбу, но как ее продолжать? Вот коренной вопрос пролетарской революции, которая хочет победить. Мало *взять* власть, надо ее удержать. Плох тот полководец, который привел бы пролетариат к победе, но не указал бы ему условий удержания и расширения этой победы. Ильич говорит: „Мало взять диктатуру и сказать: „мы идем в бой". Надо этот бой выиграть, как мы выиграли диктатуру пролетариата". И на этот последний отдел учения Ленина я хотел бы обратить ваше усиленное внимание.

Вопрос о том, как удержать диктатуру пролетариата, есть для Ильича вопрос о союзе про-

летариата и крестьянства. И поэтому учение Ленина, дойдя до учения о диктатуре пролетариата, дальше немедленно переходит к учению о том, каким образом при помощи союза пролетариата с другими угнетенными классами (значит, с крестьянством) удержать эту диктатуру. Этот вопрос уже есть вопрос нашей практики. Это вопрос, который непосредственно подводит нас к заветам Ильича, данным на нынешний исторический отрезок времени. Поэтому я буду здесь немного подробнее.

Ильич писал еще в 1907 г., за десять лет до нашей революции:

„Привлечь к себе силой самостоятельности, своей выдержанности, своей твердости массу угнетенного, забитого крестьянства, массу колеблющейся, шаткой, неустойчивой, мелкобуржуазной демократии, оторвать ее от предательской либеральной буржуазии, контролировать, таким образом, эту буржуазию и во главе народного массового движения раздавить проклятое самодержавие,—такова задача социалистического пролетариата в буржуазной революции".

Вы видите, что уже за 10 лет до социалистической революции 1917 года, задача привлечь при помощи своей выдержки и своей революционности колеблющиеся между пролетариатом и буржуазией массы крестьянства является основной задачей Ильича. Дальше он говорит это еще яснее, еще точнее:

„Исход нашей революции действительно зависит больше всего от устойчивости в борьбе

многомиллионной массы крестьянства. Буржуазия крупная у нас боится больше революции, чем реакции. Пролетариат один победить не в силах. Городская беднота не представляет ни самостоятельных интересов, ни самостоятельного фактора силы по сравнению с пролетариатом и крестьянством. Решающая роль за деревней не в смысле руководства борьбой (об этом не может быть и речи), а в смысле обеспечения победы...

Действительная и коренная опасность для русской революции—это неразвитость массы крестьянства, нестойкость его в борьбе, непонимание им всей пустоты и всего предательства буржуазного либерализма".

Вот предпосылки, сделанные за 10 лет до того, как революция, споткнувшаяся в первый раз в 1905 г. именно об эту неразвитость крестьянства и погибшая от этого, в 1917 г., найдя дорогу к крестьянству, найдя смычку с крестьянством, победила и дала возможность нам удержать в руках эту победу в продолжение вот уже 8 лет.

Посмотрим теперь, как Ильич переходит от этого общего положения к вопросу о пролетариате и крестьянстве в социалистической революции.

Вот важнейшие строки Ильича по этому вопросу: „Победа социализма (как первой ступени коммунизма) над капитализмом требует осуществления пролетариатом, как единственным действительно революционным классом, трех сле-

дующих задач. Первая—свергнуть эксплоататоров и в первую голову буржуазию... Вторая—увлечь и повести за революционным авангардом пролетариата, его коммунистической партией, не только весь пролетариат или подавляющее, огромное большинство его, но и всю массу трудящихся и эксплоатируемых капиталом; просветить, организовать, воспитать, дисциплинировать их в самом ходе беззаветно смелой и беспощадно твердой борьбы против эксплоататоров; вырвать это подавляющее большинство населения во всех капиталистических странах из зависимости от буржуазии, внушить ему на практическом опыте доверие к руководящей роли пролетариата и его революционного авангарда. Третья—нейтрализовать или обезвредить неизбежные колебания между буржуазией и пролетариатом, между буржуазной демократией и советской властью со стороны довольно еще многочисленного почти во всех передовых странах, хотя и составляющего меньшинство населения, класса мелких хозяев в земледелии, промышленности, торговле, и соответствующего этому классу слоя интеллигенции, служащих и т. п."...

Вы видите, как Ильич, подобно полководцу, который на поле сражения передвигает и соображает перестановку различных армейских корпусов, как Ильич подробно ставит перед собой вопрос об условиях победоносной диктатуры. Диктатура есть самое сильное оружие в руках пролетариата, но на что оно должно быть направлено? Во-первых, диктатура должна

быть направлена на то, чтобы уничтожить сопротивление эксплоататоров, а, во-вторых, диктатура, т.-е. власть, государственная организация, находящаяся в руках пролетариата, должна быть направлена на то, чтобы привлечь к себе, к пролетариату, к коммунистической даже партии,—как пишет здесь Ильич,—громадное большинство крестьянства, не находящегося еще в условиях пролетарского положения. И, наконец, третья задача—нейтрализовать те более зажиточные элементы крестьянства, которые колеблются между буржуазией и пролетариатом. На этом распределении ролей, на том, чтобы пролетариат свою диктатуру, свою государственную организацию использовал именно в этом направлении, Ильич не уставал настаивать.

Вот следующая цитата, чрезвычайно важная и чрезвычайно характерная именно для этого основного вопроса: „Диктатура пролетариата есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д., или большинство их), союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма. Это особого вида союз, складывающийся в особой обстановке, именно в обстановке бешеной гражданской войны, это союз твердых сторонников социализма с коле-

блющимися его союзниками, иногда с „нейтральными“ (тогда из соглашения о борьбе союз становится соглашением о нейтралитете), союз между неодинаковыми экономически, политически, социально, духовно классами“.

Не подумайте, что это писано после нэпа, не думайте, что это стало ясно Ильичу лишь после Кронштадта. Нет, это написано в 1919 г., написано не как итог сознания того, что податься стало некуда. Союз с одними слоями крестьянства, нейтрализация других его слоев выдвинуты Ильичем совсем не в результате каких-либо неудач диктатуры пролетариата, не как рецепт против слабости и т. п. Нет! Ильич не ждал Кронштадта для того, чтобы в свое ученье о механике развертывания диктатуры пролетариата ввести это учение о крестьянстве. Владимир Ильич пришел к этим выводам, изучая общую механику пролетарских революций в XX столетии, когда налицо во многих странах громадные слои крестьянства, когда весь отсталый Восток является вопросом о движении крестьянства, когда весь национальный вопрос, поскольку он выдвигается против империализма, есть вопрос о крестьянстве. Поэтому-то учение о крестьянстве Ильича имеет интернациональный характер и значение. Да, диктатура есть великое завоевание и громадная власть. Но если ты хочешь, чтобы эта власть удержалась и победила, ты должен употребить эту власть, с одной стороны, на свержение эксплоататоров, но, с другой стороны, на завоевание доверия к себе громадней-

ших слоев крестьянства, которое, как добавлял Владимир Ильич, и *поверит тебе* и *проверит тебя* окончательно только тогда, когда ты у власти станешь. Так говорил пролетариату Ленин. Вы видите, что этот вопрос об осуществлении власти рабочего класса через и при помощи союза его с крестьянством подводит нас целиком к тем практическим задачам, которые Владимир Ильич перед нами поставил.

Дальше Ильич говорит это в совершенно точных выражениях:

„Государственная власть в руках одного класса, пролетариата, может и должна стать орудием привлечения на сторону пролетариата непролетарских трудящихся масс, орудием отвоевания этих масс у буржуазии и у мелко-буржуазных партий". Итак, государственный аппарат, государственная организация в руках пролетариата должна стать орудием привлечения к себе непролетарских слоев.

И, наконец, еще более ясное, еще более точное определение того же. „Диктатура пролетариата есть классовая борьба пролетариата при помощи такого орудия, как государственная власть, классовая борьба, одной из задач которой является демонстрирование на долгом опыте, на долгом ряде практических примеров, *демонстрирование непролетарским трудящимся слоям, что им выгоднее быть за диктатуру пролетариата*, чем за диктатуру буржуазии". Вот чему учил Ленин. Диктатура может находиться лишь в руках самого революционного и подго-

товленного к этому класса, может находиться лишь в руках пролетариата. Диктатура есть форма организации государственной власти, и эта форма организации государственной власти должна быть пролетариатом направлена на то, чтобы на долгом ряде примеров *демонстрировать* на деле отсталому крестьянству, не подготовленному всем предшествующим развитием к пониманию социализма, что оно должно быть за социализм и должно итти за пролетариатом, а не за буржуазией.

Разве в эту общую форму не укладывается вся наша политика? Когда первоначальная, самая простая форма союза рабочих и крестьян в виде прямого, согласованного отпора помещикам, генералам и т. д., когда эта форма союза свою задачу выполнила и была изжита,—пришла *новая* форма этого союза. Нам необходимо именно демонстрировать, как говорит Ильич, на практике хозяйственного строительства выгодность для крестьянства и для все более и более широких слоев крестьянства диктатуры пролетариата. Вся наша политика во всех ее вариациях, сменах, исправлениях, опытах укладывается в эту ленинскую формулировку диктатуры пролетариата, как орудия привлечения к себе самых широких крестьянских слоев, которые принципиально не против социализма, но которым надо доказать, что социализм, а следовательно, и пролетарское государство им выгодны.

Мы подошли, мне кажется, к тем практическим задачам, которые дал Владимир Ильич

в последние дни, когда он мог еще руководить нами и международным пролетариатом. Вы все помните его последние статьи: „Лучше меньше, да лучше", „О кооперации" и т. д., которые мы все изучали самым внимательнейшим образом, но которые не всегда воспринимались в их тесной связи с общей цепью учения Ленина, которые иногда, быть может, могли показаться результатом того, что положение тяжелое, что международная революция задержалась, что вышла длинная заминка. Если взять учение Ленина не как учение о нашей революции, т.-е. революции, развивавшейся в рамках бывшей Российской империи, а как учение об общей мировой пролетарской революции и пролетарской диктатуре, — это выходит совсем не так. Не потому заговорил Ленин о крестьянстве, что тяжело стало пролетариату единственной Советской республики, но потому что учение Ленина о крестьянстве и о союзе пролетариата с крестьянством до диктатуры, в момент диктатуры и после диктатуры входит составной частью в самое представление Ленина об условиях победы пролетарской революции. Чтобы окончательно подтвердить эту мысль и закончить изложение общих взглядов Ильича на взаимоотношения двух важнейших классов в ходе пролетарской революции, я должен обратить ваше внимание на одно произведение Владимира Ильича, которое, к сожалению, мало известно (я немножко повинен в том, что оно мало известно, ибо я не доглядел, и оно не включено в со-

брание сочинений Владимира Ильича), но которое является самым концентрированным, глубоким и точным выражением взглядов Владимира Ильича на вопросы смычки между пролетариатом и крестьянством в свете не нашей территориально ограниченной революции, а в свете мировой пролетарской революции. Это — написанная Владимиром Ильичем резолюция по аграрному вопросу, предложенная им и принятая на 2-м конгрессе Коминтерна в 1920 году.

В этой резолюции Ильич ополчился против „непонимания той истины, которая вполне доказана теоретически марксизмом и подтверждена опытом пролетарской революции в России, именно, что, за исключением сельских рабочих, которые уже теперь стоят на стороне революции, разрозненное, забитое, придавленное, осужденное во всех, даже наиболее передовых странах, на полуварварские условия жизни сельское население вышеназванных трех категорий, будучи экономически, социально, культурно заинтересовано в победе социализма, только тогда сможет решительно поддержать революционный пролетариат, когда политическая власть будет последним завоевана, лишь после того, как осуществится окончательная его расправа с крупными землевладельцами и капиталистами, лишь после того, как эти задавленные слои сельского пролетариата увидят на практике, что у них имеется организованный вождь и защитник, достаточно могучий и твердый для помощи и руководства ими, для указания им верного пути".

Я не знаю другого места в сочинениях Владимира Ильича, где с такой категоричностью было бы подчеркнуто, что именно после завоевания власти пролетариатом, после первых шагов по осуществлению им власти и встает во весь свой гигантский рост задача завоевания пролетариатом поддержки со стороны широких масс крестьянства.

Надо сопоставить это место со следующими словами той же резолюции: „Обеспеченность пролетарской победы и ее устойчивость — вот первая и основная задача пролетариата при каких бы то ни было условиях... А устойчивою пролетарская победа быть не может без нейтрализации среднего крестьянства и обеспечения себе поддержки весьма значительной доли, если не всего мелкого крестьянства".

Это написано не для специально русских условий, это резолюция мирового конгресса, рисующая условия победы пролетарской диктатуры во всем мире, рассчитанная отнюдь не только на нас, но и на Францию, Англию, Германию и т. д. и на колониальные страны. Ильич, которому принадлежит все в этой резолюции, говорит в ней, что пролетариат именно после завоевания власти должен создать такие условия, когда крестьянство сможет в широкой форме оказать ему доверие, сможет убедиться, что именно рабочая власть осуществляет его истинные интересы, и что, с другой стороны, только тогда, когда завоевано доверие низших слоев крестьянства, когда нейтрализовано среднее крестьянство,

только тогда пролетарская диктатура может считаться окончательной, устойчивой и может пойти дальше в осуществлении своих задач.

Так учение о союзе с крестьянством входит необходимой и важнейшей частью в общее учение Ленина об условиях победы пролетарских революций.

---

2. Работа по Ильичу.

Позвольте напомнить, что же нам в первые дни 1923 года указывал Ильич, как ближайшие практические задачи. Владимир Ильич писал в своих последних статьях: „Для того, чтобы обеспечить наше существование до следующего военного столкновения между контр-революционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком, между цивилизованнейшими государствами и государствами по-восточному отсталыми, которые, однако, составляют большинство, — этому большинству нужно успеть цивилизоваться“...

„Мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян по отношению к себе, и с величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств“...

„Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, мы получим возможность, ценой величайшей экономии в нашем государстве, добиться того, что всякое малейшее

сбережение сохраним для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации и пр.“ „В этом и только в этом будет наша надежда. Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономии, рассчитанной на разоренную крестьянскую страну,—на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя, и т. п.“... Тогда... „мы в состоянии будем удержаться наверняка. И при том мы будем в состоянии удержаться не на уровне мелко крестьянской страны, не на уровне этой всеобщей ограниченности, а на уровне, поднимающемся неуклонно вперед и вперед крупной машинной индустрии“.

Если свести указания, данные в этих статьях Владимиром Ильичем в виде последних его заветов, и попытаться эти заветы сделать критерием нашей будничной работы изо-дня в день, их можно сформулировать так. Ильич завещал, исходя из общих, указанных выше начал своего учения о ходе и условиях победы пролетарской революции, крепко блюсти экономическую политику союза пролетариата с крестьянством, внимательнейшим образом изучать и подготовлять условия пересадки с обнищалой лошадки мужицкого хозяйства на кровного рысака крупной машинной индустрии, усиленно работать над тем, что им названо недостатком „цивили-

зации", использовать передышку для поднятия культуры страны.

С этой точки зрения Владимир Ильич обращал наше внимание особенно на кооперацию, на состояние государственного аппарата и, наконец, на то, что венчает все дело, без чего вся эта постройка распадается, как пыль, без чего она останется бессмысленной—это партия, ее состав, ее идеология.

Вот заветы. Вот то, что неизбежно вытекало из всего учения ленинизма. Вот условия, при которых Владимир Ильич говорил: „Иначе мы не удержимся".

Чтобы осуществить эти заветы, или, вернее, чтобы подойти к осуществлению этих заветов Ильича, партия должна была усвоить себе следующее: необходимо на почве всяческого содействия трудовому крестьянству в деле поднятия его хозяйства, в деле расширения его потребления городских продуктов, в деле создания благоприятных условий для развертывания сельскохозяйственной продукции создать базу для дальнейшего расширения основной силы пролетарской диктатуры—промышленности. Только на почве расширения крестьянского рынка, на почве возрастающего политического и экономического доверия широких масс крестьянства к хозяйственным способностям пролетариата, только на этой базе мог возникнуть и упрочиться процесс роста, укрепления и концентрации пролетариата в городах, а следовательно, и увеличения его социальной мощи. Эту политику, которая ба-

зирует рост пролетарского хозяйства на расширении крестьянского хозяйства, можно проводить только при сохранении и укреплении руководящей роли партии во всех экономических и политических организациях. Соблюдение, следовательно, правильного взаимотношения между партией, рабочим классом и крестьянством—вот что необходимо положить в основу нашей практической, будничной строительской политики в духе Ленина.

Как же мы осуществили это в истекшем году? Создала ли пролетарская диктатура за последний год более благоприятные условия для развертывания крестьянского хозяйства для того, чтобы вызвать все большее и большее экономическое и политическое доверие крестьянства к пролетариату?

Много еще осталось сделать, не мало сделано и ошибок, но в общем достижения в этой области несомненные.

Нас посетил в этом году неурожай. Все больше и больше выясняется, что вместо тех избытков хлеба которые мы в прошлом году вывозили за границу, нам теперь придется в той или другой мере пополнять наши хлебные запасы для удержания цены на известном уровне, и, несмотря на это, мы можем сказать—в деле укрепления крестьянской лошадки сделано порядочно.

Так же, как и в первой части своего доклада, я опирался на цитаты из Ильича, здесь, в деловой части, я должен буду иллюстрировать

свои положения цифрами. Если мы взглянем, что сделалось с посевной площадью в этом году сравнительно с прошлым годом, то картина будет такая: в 1916 г. в пределах Союза посевная площадь была 86½ миллионов десятин; в 22 г., после великого неурожая, она упала до 58,7 миллионов десятин; в 23 г. она поднялась до 70 миллионов десятин, и за этот год, без Ильича, она поднялась до 76 миллионов десятин. Следовательно, мы за один год увеличили посевную площадь на 6 миллионов десятин, а, например, на Украине достигли уже уровня 1916 года. Если мы взглянем по отдельным культурам, чрезвычайно важным именно для нашей промышленности, взглянем, как обстоит дело со свеклой, с хлопком, со льном, с конопле́й, то мы всюду увидим неслыханный за эти восемь лет рост площадей. Например, площадь сахарной свеклы за этот последний год,—за один год без Ильича—увеличилась на 42 проц.; посевы льна—на 25 проц.; конопля—на 21 проц. и—что особенно важно для нашей промышленности и для смычки с крестьянством—площадь посевов хлопка увеличилась на 134 проц., она достигла уже 454 тыс. десятин. Если мы обратимся к скотоводству, то и здесь мы замечаем несомненное улучшение. Количество лошадей, например, было в 1922 г. 20,2 млн., в 23 г.—20,3 млн., в 24 г.—22,2 млн. Крупного рогатого скота в 23 г.—39,2 млн., в 24 г.—46,3 млн. Чрезвычайно важное для крестьянского хозяйства—крестьянская копилка—свиноводство увеличилось таким образом:

в 22 г.—8,6 млн., в 23 г.—9,1 млн., в 24 г.—16,8 млн. штук.

Я привожу эти цифры для того, чтобы показать несомненное улучшение за этот год условий для дальнейшего под'ема нашего сельского хозяйства. Но этого мало.

Мы добились за этот год не только создания таких условий, когда сельско-хозяйственная продукция растет, мы добились и того, что гораздо лучше поставлено снабжение крестьян продуктами городской промышленности. Мы далеко еще не удовлетворяем потребностей крестьянства в продуктах городской промышленности, и поэтому мы ни в коем случае не смеем успокоиться на каком-нибудь оптимизме и сказать, что мы уже завоевали крестьянство в экономическом смысле, т.-е., что мы уже доказали крестьянству, что мы можем его снабжать с наших национализированных фабрик и заводов так же дешево и так же широко, как снабжал его капитализм. Нам, коммунистам, не приличествует, особенно в дни, когда мы вспоминаем Ильича, закрывать глаза на правду. Мы должны сказать—мы снабжаем крестьянство еще дорого и снабжаем его еще недостаточно, и потому крестьянство право, когда оно нам говорит: ну, вы начинаете, господа коммунисты, поправляться, видим, что вы стараетесь, а вот дойдете ли до того, что нам нужно, мы еще не вполне уверены. На этой почве и происходит то колебательное настроение среди крестьянства, которое необходимо отметить. Мы видим несомненный рост

политического доверия к нам, рост, основанный на том, что крестьянство оценивает несомненное стремление пролетариата, господствующего класса, пойти ему навстречу, и главное, в чем крестьянство видит это стремление—это в нашей политике снижения цен. Политика снижения цен, проведенная за этот год в борьбе с некоторыми тенденциями внутри нашей партии, отнюдь не была чисто-экономической мерой, она была по сути дела крупнейшей политической мерой. Только с того момента, когда крестьяне убедятся, что хозяин городской промышленности и руководитель государства, пролетариат, действительно напрягает усилия и изыскивает пути для того, чтобы дать крестьянину ситец, керосин, гвоздь дешевле, чем он давал ему в прошлом году—только с этого момента можно сказать: крестьянин оказывает нам доверие, он не отказывает нам даже и в кредите. Этим кредитом мы должны воспользоваться как отсрочкой для того, чтобы еще более нажать с нашей стороны в сторону улучшения и удешевления производства, в сторону улучшения снабжения крестьянства. Политика снижения цен, уже проведенная нами и которая будет проводиться дальше, есть один из важнейших политических, а не только экономических моментов смычки. Это первое. Второе, что здесь, несомненно, играет громаднейшую роль,—это проведенная нами денежная реформа—одно из важнейших завоеваний этого года, года без Владимира Ильича, и относительно которой Ильич сам писал еще раньше: „Удастся

нам на продолжительный срок, а впоследствии навсегда, стабилизовать рубль,—значит мы выиграли". Этот завет Владимира Ильича выполнен. Да, денежная реформа в условиях совершенно исключительной трудности, в условиях без получения заграничного займа, без поддержки мирового денежного рынка, а при противодействии мирового капитала,—денежная реформа проведена. Во имя этой денежной реформы принесены большие жертвы. Вы помните февраль, март, апрель, когда мы, кажется, в этом же зале обсуждали вопрос о том, как скажется денежная реформа на уровне заработной платы, и как мы переносили из этого зала на фабрики и заводы наш призыв к тому, что рабочие должны пойти на некоторые временные жертвы в области зарплаты в данный момент для того, чтобы получить твердую валюту и этим стабилизовать свой собственный рабочий бюджет, укрепить заработную плату, стабилизовать бюджет крестьянина и создать твердую основу для товарооборота между городом и деревней, а, следовательно, для экономической смычки между городом и деревней. Денежная реформа проведена. Непосредственно для крестьянства она обозначает, что мы в этом году сняли с крестьянства тяжесть эмиссионного налога не менее, чем в 200—300 миллионов рублей. Таким образом, эта вторая мера после снижения цен, денежная реформа, несомненно, тоже идет по линии, намеченной Ильичем, и создает условия для теснейшего союза рабочих и крестьян. На-

конец, мы, благодаря снижению цен, с одной стороны, и борьбе с „ножницами“ на почве твердой валюты,—с другой стороны, сжали то расхождение цен, которое в прошлом году, несомненно, стало уже порождать известное колебание в крестьянской массе. Эти меры: денежная реформа, политика снижения цен и сжатие „ножниц“—есть важнейшие завоевания в области предпосылок смычки, проделанных за этот год, и нет никакого сомнения, что эти три меры проведены в духе Ильича, по линии его политики, для осуществления его целей.

Но, повторяю, мы ни в коем случае не должны предаваться здесь какому бы то ни было оптимизму. Оптимизм в этом деле был бы изменой духу Владимира Ильича. Работая в области укрепления отношений крестьянства с пролетариатом, нам придется еще многое и многое проделать, и то, что проделано, недостаточно. Сейчас увеличение снабжения крестьянского рынка недостаточно, снижение цен - недостаточно, и на почве этого недостаточного снижения мы уже имеем ряд сведений о том, что крестьянская мысль начинает продвигаться за наши пределы в поисках за дешевым ситцем, галантереей, гвоздем и т. д. Это есть реальная опасность. Для того, чтобы это не приняло какого-нибудь более общего политического оттенка, мы имеем в руках только одно средство борьбы, а именно: увеличивать и увеличивать нашу промышленность, снижать цены, увеличивать производительность труда с тем, чтобы

показать крестьянству, что мы можем дешево и в полной мере снабдить его необходимыми предметами промышленности.

Мы не должны успокаиваться также и потому, что в области политического обслуживания деревни мы далеко еще не сделали того, что можно и должно сделать. А между тем за этот год мы имеем целый ряд фактов, на которые закрывать глаза нельзя и которые в общей сложности дают картину того, что административное обслуживание деревни нашей партией и нашим государством далеко не поставлено на достаточную высоту. Надо решить в духе тов. Ленина те вопросы, которые поставлены ЦК перед всей партией, в виде введения большей законности в деревне, в виде оживления деятельности советов на местах, в виде очистки и улучшения советского аппарата в деревне, в виде искоренения произвола и взяточничества, которые на низших ступенях советского аппарата, именно там, где он соприкасается с деревней, свили себе очень глубокое гнездо, которое надо как можно скорее и как можно решительнее очистить. Работы в деревне перед нами чрезвычайно много.

Но если мы не будем забывать того основного положения Владимира Ильича, что именно после завоевания политической власти пролетариат и должен сделать государственную и экономическую организацию способом демонстрирования на практике преимуществ пролетарского строя перед буржуазным, перед широкими мас-

сами,—если мы этого забывать не будем и будем это проделывать, то со всеми трудностями мы справимся. Надо итти дальше по уже намеченному пути. Первые результаты мы имеем в оглашенных мною цифрах. Много еще остается недоделанного, много нужно доделать, но путь, выбранный нами, совершенно правилен. Мы должны отдать себе отчет, что крестьянство есть базис пролетарской диктатуры в том смысле, что только на почве этого крестьянского многомиллионного хозяйства мы можем восстановить и расширить нашу крупную промышленность.

Конечно, производство хлеба, производство конопли, производство льна, производство тех свиней, о которых я упоминал,—конечно, это очень важно. Но вопрос о самостоятельности и независимости первой пролетарской республики решается не коноплей, решается не свиньей; он решается обработкой стали, выработкой машин, угля, нефти,—вообще поднятием нашей индустрии. Вот, где решающий узел. Но мы не можем развить этих отраслей промышленности, не можем, следовательно, строить эту пролетарскую крепость, не можем собрать за ее стенами отборной армии квалифицированных рабочих—живой материал пролетарской диктатуры—иначе, как только найдя в крестьянстве рынок для продуктов нашей промышленности. А это ставит вопрос о том, чтобы создать благоприятные условия накопления в крестьянстве, но не только накопления, но и общественно-кооперативного направления накопленных средств. Мы хотим

иметь крестьянство, способное потреблять увеличивающуюся продукцию наших развивающихся отраслей промышленности, но мы не хотим, чтобы передача из города в деревню шла помимо государственных и контролируемых государством организаций, т.-е. помимо кооперативной организации. Мы не можем допустить, чтобы эта экономическая смычка осуществлялась при помощи частного капитала, и поэтому вопрос о кооперации, о связи с крестьянством и о развитии промышленности увязывается в один целостный вопрос. И здесь имеем завет Ильича: изучайте внимательно и подробно все те условия, которые благоприятствуют тому, чтобы пересесть с нищей, обнищалой крестьянской лошади на рысака крупного машинного производства.

Что нами здесь достигнуто? И в области промышленности и в области улучшения условий сельско-хозяйственного производства мы, несомненно, имеем порядочные успехи. Я указывал на одном собрании, что посторонние нашей партии экономисты, статистики, изучая условия промышленного производства за этот год, называют этот год рекордным, т.-е. годом высших достижений за все время существования советской власти в области промышленности.

Действительно, если мы обратим внимание на цифры, то увидим два чрезвычайно важных явления. С одной стороны, очень крупными, сравнительно, шагами увеличивается продукция нашей промышленности во всех без исключения отраслях. С другой стороны, не менее важным

признаком является то, что это увеличение продукции не является результатом какого-нибудь скачка или прыжка, а является совершенно планомерным явлением, растущим из месяца в месяц, из квартала в квартал, что свидетельствует о здоровом росте, о том, что нас, если мы не слишком наглупим, не ожидают какие-нибудь катастрофические срывы, а что мы можем надеяться при правильной политике на все повышающуюся и повышающуюся линию. Этого достигнуть можно было, конечно, только на почве правильной политики в отношении крестьянства. И в дальнейшем развитие промышленности,— а рост промышленности значит увеличение количества и качества пролетариата, увеличение социальной мощи пролетариата, следовательно, увеличение той живой силы, на которой держится диктатура пролетариата, весь наш государственный и политический строй,—возможно только в том случае, если мы для крестьянства, для его развития, для его хозяйствования, для улучшения крестьянского хозяйства будем создавать благоприятные условия.

Несколько цифр для того, чтобы вы, товарищи, рассказывая рабочим о том, как мы прожили этот год, могли бы не только фразами, но и фактами показать, что наследства ленинского мы не растратили, а стремились его приумножить. Я приведу несколько цифр, при чем рекомендую вам для ознакомления брошюру, из которой приведу эти цифры. Это брошюра Крумина, редактора „Экономической Жизни“, „Под

знаком роста и укрепления". Цифры следующие: крупная промышленность расширилась по сравнению с 1922—23 годом несколько более, чем на 30 проц. В 1923—24 г., последнем году, году без Ленина, производство достигло и превзошло 1½ миллиарда довоенных рублей. Это общая продукция нашей государственной промышленности в то время, как в прошлом году, в 23 году, она достигала 1 миллиарда 200 миллионов. Если взять отдельные отрасли промышленности, например, количество готовых хлопч.-бумажных тканей, то увеличение за этот год произошло на 44 проц. Чугуна произведено в 23 году 18,33 миллиона пудов, в 24 году—40,4 миллионов пудов. Стали: в 23 году—36 миллионов, в 24 году—60 миллионов. Прокатка в 23 году—27 миллионов, в 24 году—41 миллион. Эта касается металлургической промышленности, восстановление которой есть вместе с тем восстановление основного капитала промышленности, что, конечно, для нас чрезвычайно важно. Если мы обратимся к углю, то в прошлом году нами выработано 660 миллионов пудов, в этом году мы выработали 860 миллионов пудов, на 200 миллионов пудов больше за один год. Нефти в прошлом году—315 миллионов, а в этом году—360 миллионов.

Вот самые основные характерные цифры, которые требуют только одного добавления. Ильич проводил последние годы своей экономической работы под знаком постоянного топливного и транспортного кризиса. Вы легко себе можете

представить, какие постоянные перебои в работе высших государственных органов, которыми руководил Владимир Ильич, происходили от того, что вопрос обеспечения промышленности топливом и вопрос обеспечения всего товарооборота и продовольствия транспортом постоянно из месяца в месяц срывался. Это была подлинная трагедия потому, что нельзя было вести никакого планового хозяйства, смешно было говорить об удовлетворении потребностей крестьянства, трагично было бы говорить о том, чтобы дать крестьянам равное количество ценностей за взятый у них хлеб со стороны города, когда город был не обеспечен топливом, а городские продукты не были обеспечены перевозом, не говоря уже о том, что это неизбежно вело к деклассированию, разжижению, распылению пролетариата, понижению его социальной мощи. Мы можем теперь сказать, что эти два кризиса, кризис топливный и кризис транспортный, изжиты нами до конца. Мы сейчас заботимся не о том, чтобы увеличить количество добываемого хлеба для промышленности в виде угля и нефти, а о том, чтобы найти заграничные рынки для избытков нашего топлива, и становимся в области топливной немножко „империалистами", потому что надо завоевывать эти рынки. Таким образом, мы имеем все предпосылки для дальнейшего правильного развертывания промышленности, для планового поступательного хода ее.

Конечно, и здесь мы не имеем права быть

оптимистами, и здесь мы должны сказать, что хотя мы идем вперед довольно большими шагами за последний год, но мы не доросли еще даже до довоенного уровня. Если в период гражданской войны 1919—20 г.г., как на первую примерку, можно было давать задание: нука, дорвитесь до довоенного уровня, то теперь нам неуместно, стыдно ставить только эту задачу. Нам надо, ясное дело, превзойти довоенный уровень, если мы хотим доказать многомиллионному крестьянству, что ему выгоднее иметь государство рабочих с национализированной промышленностью, чем капиталистов с частной собственностью и частным торговым аппаратом. Нам надо превзойти довоенные нормы, а мы еще их не достигли, и здесь задача громадная, но рекордный успех, достигнутый в этом году, показывает, что мы стоим на правильном пути.

Мы нашли правильную пропорцию между крестьянским рынком, крестьянской потребительной способностью и ростом нашей индустрии. Совершается еще много ошибок, от нетерпения часто перескакивают в той или другой отрасли промышленности, чем, конечно, обеспложивают другую отрасль промышленности. Заработную плату мы стабилизовали, и нельзя сказать, что на низком уровне. Благодаря введению денежной реформы, заработная плата выше сейчас, чем была до денежной реформы. Мы добиваемся того, что заработная плата начинает выплачиваться в срок, во-время,

что тоже не малое достижение в наших условиях. Полной планомерности, плановости, полного равновесия между отдельными отраслями хозяйства мы еще не достигли; промашки бывают, но в области промышленности мы имеем такой ход развития, при котором Владимир Ильич сказал бы: вы работаете правильно. Это высшая похвала, которую мы хотели бы получить. И это, товарищи, достигнуто, несмотря на неурожай. Об этом нельзя забывать.

Пойдем дальше. Владимир Ильич рекомендовал воспользоваться передышкой между столкновением империалистского Запада и революционного Востока для того, чтобы „цивилизоваться“. Здесь тоже естественно спросить себя: случайно ли попалось Ильичу это слово под перо? Откуда такой совет—цивилизоваться? Но вы знаете: не было у Ильича лозунгов, которые бы не хранили в себе громадного содержания. Многие коммунисты удивлялись, когда Ильич сказал: учитесь торговать. Теперь все это поняли. Это было спасение. Этот лозунг, такой простой, обычный, неэффектный, хранил ответ на вопрос: как осуществить смычку города с деревней в данный момент. Так и с лозунгом „цивилизоваться“, с тем лозунгом о поднятии культуры, который Владимир Ильич неоднократно, особенно за последнее время, повторял. Это вопрос о темноте, отсталости—не только в смысле простой неграмотности, но в смысле отсутствия навыков к коллективной общественной работе, в отсутствии навыков к организации

в деревне,—я говорю сейчас о деревне, о страшной распыленности и раздробленности этой деревни; это—зло, то проклятое наследство проклятых прошлых веков, которое черным пятном лежит на нашей республике и которое, как гиря, держит нас. Поэтому-то Ильич и говорил: покуда придет следующее столкновение, которое потребует от советской республики полного напряжения, партия и государство должны обратить особое внимание на поднятие культуры в тех слоях населения, которые благодаря прошлому более всего отстали. Маркс писал в 50-х годах немецким рабочим: „Вам придется пережить 15—20—50 лет гражданских войн и битв народов не только для того, чтобы изменить строй, но чтобы изменить и самих себя и сделаться способными к политическому господству". Это—рабочим. Подумайте, что нужно сказать относительно крестьян, которых душили в вековом рабстве, какие усилия нужно для того, чтобы крестьянство действительно изжило все остатки этого прошлого, чтобы оно научилось действительно коллективно подходить к общественным вопросам, коллективно организоваться, коллективно вводить улучшения всякого рода в свое хозяйничанье, в свой быт, в свое строительство. Вот та громадная проблема, которую имел в виду Ильич, когда писал: „Одна из основных задач большинства—это успеть цивилизоваться".

Как поднять культурный уровень деревни? Первое дело,—и этому недаром посвятил одну

из страничек своего дневника Ильич,—это дело просвещения, дело ликвидации всяческой безграмотности. Бюджет народного просвещения за последний год увеличен сразу на пару десятков миллионов рублей. Мы имеем возможность надеяться, что и в дальнейшем бюджет народного просвещения все время будет увеличиваться. ЦК обратил внимание на тот слой деревенской интеллигенции, который должен быть одним из главных проводников задач „цивилизации“ в деревне. Буржуазные государства везде, в самых передовых странах—в Америке, во Франции, в Англии—пытаются держать крестьянство на самом низком уровне развития, используя для своего господства распыленность, раздробленность, отсутствие классового самосознания крестьянства. Весь буржуазный строй держится на отсталости крестьянства. Единственный строй, который заинтересован в том, чтобы превратить государство в орудие внесения культуры в деревню, есть пролетарское государство. Ильич указывал на это, как на очередную задачу. Увеличение бюджета народного просвещения, постановка вопроса о ликвидации безграмотности, привлечение, так называемой, сельской интеллигенции, прежде всего в виде учителей, созыв учительского с'езда, который завтра откроется и который должен стать одним из таких каналов, по которому пролетарская власть будет вводить в деревню не буржуазную культуру разделения крестьянства, а пролетарскую культуру об'единения его,—вот те новые шаги, кото-

рые мы в этой области за этот последний год предприняли и которые идут по заветам Владимира Ильича. Но школы—это книжка. Это вещь необходимая, но это не все, это далеко еще не все, что нужно для того, чтобы остатки старой темноты были изжиты в деревне. Там нужно больше самодеятельности, нужно больше привычки к коллективной работе, и поэтому кооперирование деревни на тех началах, о которых говорил Владимир Ильич,—а он говорил: „Кооперирование есть *действительное* участие *действительных* масс населения в кооперации“;—вот один из методов, который больше всего ведет к делу внесения, если говорить ильичевскими словами, цивилизации в деревню. Ильич звал нас в своих последних статьях о кооперации „научиться практически строить социализм так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении“, и подчеркивал, что именно кооперация и есть та форма практического, будничного дела, при которой каждый крестьянин может принять участие в деле постройки социализма.

Вот практический подход к делу „цивилизации“, и здесь, быть-может, резче, чем в другом, сказывается одна гениальная черта Ильича, который смотрел на пролетарское государство, как на хозяйское дело, для которого социализм не был картиной, фразой, мечтой, дающей утешение, дымом, уходящим в небеса, а практическим, черным, постоянным делом, которое он хотел вести так, чтоб не только каждый рабо-

чий участвовал в построении социализма, но каждый крестьянин строил бы социализм своими собственными усилиями на обычном будничном деле. И Ильич указал, где то будничное дело, которое, будучи прибавлено к власти пролетариата, может организовывать массы крестьянства и поставить каждаго крестьянина в такое положение, чтобы он стихийно служил делу социализма. Это кооперация, такая кооперация, в которой, как говорил Ильич, *действительно* участвуют *действительные* массы населения. Мы сделали в этом отношении еще мало, но кое-что сделали. Если бы сейчас Владимир Ильич потребовал от нас ответа, что в этой области сделано, мы вышли бы с цифрами и сказали, что оборот потребительской кооперации за этот год увеличился на 140 проц., а сельско-хозяйственная кооперация увеличилась на 109 проц. Два с половиной миллиона хозяйств уже об'единены в сельско-хозяйственной производственной кооперации, уже продукты сельского хозяйства по кооперативному руслу идут за границу, и в тот год, когда мы не можем вывезти хлеб и, казалось бы, что должна в нашем бюджете обнаружиться дыра, мы заполнили эту дыру не только промышленными продуктами (лесом, нефтью, рудой), но и продуктами крестьянского животноводства, птицеводства (яиц, масла), которые идут по кооперативному руслу. Тут есть некоторые достижения. Они малы, надо развивать их больше и больше, надо особенно настаивать на том, что та кооперация, строить которую заповедал Владимир

Ильич, должна быть кооперацией, в которой принимают *действительное* участие *действительные* массы населения—а не бумажной кооперацией, кооперацией, превращающейся в лавочку,—кооперацией, которая действительно развивает общественные навыки, кооперацией на началах подлинного добровольного членства и подлинной выборности, а не назначенства. Вот важнейший фактор, который должен связать рабочих и крестьян, а крестьянство из распыленного и темного превратить в организованную силу. Эта организованная сила, мы в этом уверены и на этом построено наше учение, пойдет не за кем иным, а именно за рабочим классом, поскольку рабочий класс будет направлять свою политику к тому, чтобы поддержать союз рабочих и крестьян и экономически и политически.

Не только на вопросе о кооперации особенно заострял Владимир Ильич свои последние статьи: они были заострены на вопросе о нашем госаппарате. И это естественно. Дело руководства государством у нас все более и более осложняется. Вместо приказов, декретов, которые подлежали исполнению без дальних рассуждений, нам приходится в обстановке нэпа действовать более сложными путями. Обстановка осложнилась, и приходится действовать целой системой приводных рычагов. Наше государство экономически представляет не элементарный, простой механизм эпохи военного коммунизма, а очень сложный механизм, который двигается целой системой рычагов. Одни важнейшие: национали-

зированная промышленность, монополия внешней торговли, самая советская организация; другие меньше: регулирование цен, государственная закупка хлеба и т. д. Целая система больших и малых рычагов, которая обхватывает и которая дает возможность пролетариату действительно направлять всю массу полупролетариата и крестьянства. Эти рычаги в наших руках. Эти командные высоты мы держим и никого не допустим к ним. Но умеем ли мы ими надлежащим образом управлять, во-время передвигать, достаточно ли гибок наш аппарат? Нет, далеко нет! Власти, как говаривал Владимир Ильич, предостаточно, но пользоваться этой властью мы еще не очень умеем. Система передаточных рычагов и методы управления ими—дело очень сложное и требует длительного изучения и приспособления, а та система, при помощи которой мы управляем рычагами, и есть госаппарат, при чем, как говорил Владимир Ильич, он у нас на половину старый, так как у нас нет нового поколения, которое могло бы заменить старое с достаточным знанием дела. Поэтому-то так важна здесь роль партии, так существенно внимательное наблюдение со стороны партии, потому, что, если внимательный глаз партии от этого отойдет, то вся система может сдвинуться и пойти в другую сторону. Мы имеем давление нэпа, мелкобуржуазное давление, давление международной антисоветской обстановки, и поэтому должно и может быть противопоставлено только одно: руководящая, направляющая роль партии,

что отнюдь не есть дергание, но есть политическое руководство и контроль в каждый данный момент и на нужном месте, умение наблюдать за правильным выполнением директив партии. Этот аппарат наверху должен стать гибче, сложнее, ответственнее, а внизу—более внимательным к местным потребностям, более тонким, более чутко регистрирующим настроение мест и масс и отражающим это настроение, а прежде всего более связанным с местными потребностями. Ибо, если этот низовой советский аппарат вместо того, чтобы быть передаточным механизмом низовых настроений наверх и управления сверху вниз, является стеной между ними и не доводит доверху подлинных настроений низов, то получается опасность отрыва настроений низов, то получается опасность отрыва руководящего аппарата, не зная того, что делается в стране, невозможность направить всякое недовольство в такое русло, которое будет на пользу советской власти, и накопление этого недовольства, вместо его разрежения принятием своевременных и нужных мер. Учитывая все это, Владимир Ильич так бешено нападал в последнее время на негодность госаппарата и требовал строжайшего контроля, требовал всевозможных мер к тому, чтобы этот аппарат приспособить к новым задачам государственной власти.

Один из способов поправить дело в этой области,—установить непосредственную и прямую связь между низовым аппаратом и руководящими кругами, руководящим государственным ап-

паратом, это есть то „оживление советов", которое сейчас поставлено на очередь и которое мы, несомненно, получим. Это есть приближение советов к местам, более внимательное отношение совета к массе, создание такой обстановки, когда крестьянин видел бы в совете действительно свой орган и шел бы в совет не как к чиновнику, откуда то со стороны поставленному и поэтому бюрократически, бездушно и казенно относящемуся к его потребностям, а шел бы туда со всеми своими потребностями и даже со своим недовольством, потому что лучше, если он скажет это недовольство в пределах советской системы, и это недовольство, политически нами осмысленное, даст повод к тем или другим мероприятиям, чем если оно помимо советской системы начнет наносить удары со всех боков.

Вот, т.т., краткие итоги того, что мы сделали за год, и те вопросы, которые мы ставили за последний год, находясь все время под влиянием того, что нам заповедал Владимир Ильич. Остается самый большой и самый важный вопрос—это вопрос о партии. Как я уже сказал, вся эта система роста промышленности, увязки этой промышленности с крестьянством, кооперации, госаппарата,—все это было бы обеспложено и обездушено, если бы в области партии мы не соблюдали заветов Ильича, если бы здесь у нас обнаружилась какая-нибудь червоточина, которая свидетельствовала бы о какой-нибудь глубокой болезни партии.

Я не буду говорить здесь об учении Ильича о партии. Укажу только одно: Ильич учил, что пролетариат может достичь своих целей лишь под руководством строго выдержанной, до конца революционной, группирующей в своих рядах весь подлинный пролетарский авангард коммунистической партии. Его учение о партии характеризуется больше всего исторически тем, что он с беспощадностью, невиданной, вероятно, ни в одной партии, относился ко всяким уклонениям от той правильной классовой линии, которую должна занимать партия. История нашей партии наполнена длинным рядом идейных битв, которые вел Владимир Ильич за чистоту партийной идеологии. Нельзя написать историю нашей партии без того, чтобы не описать ряда блестящих сражений, которые Ильич давал всем, кто пытался, хотя бы в малой доле, отклонить партию от ее правильно намеченного пути. Это вполне связывается с общим учением Ленина, с его учением о роли в социалистической революции пролетариата и его авангарда, а авангард и есть коммунистическая партия. Поскольку пролетариат должен осуществлять свою диктатуру в обществе, чрезвычайно разномастном, состоящем из самых различных групп, в обществе, которое всеми силами своими, всеми своими учреждениями и всей своей идеологией давит на пролетариат и пытается заразить его буржуазными, мелкобуржуазными, социально-реформаторскими и прочими миазмами буржуазного мировоззрения и буржуазной политики, постольку

беспощадная, постоянная, систематическая война со всеми этими наслоениями, выделение подлинного ядра, чистота идеологии пролетариата выдвигались неизбежно и неизменно Владимиром Ильичем, как основная задача. Иногда возникает такая мысль: если эта беспощадная, систематическая, непрестанная борьба за чистоту партийной идеологии, за правильность руководства партии, за монолитность руководящего штаба партии была необходима тогда, когда партия шла к власти, то, быть-может, дело изменилось с того момента, когда партия стала правящей партией; может-быть, ее положение, как партии правящей, как партии, осуществляющей диктатуру пролетариата, требует другого, более мягкого, более „широкого" подхода к вопросам монолитности и чистоты идеологии и руководства партии?

Мы думаем, что дело обстоит как раз наоборот, и думаем так на основании именно того, чему нас учил Ленин. Именно потому, что мы правящая партия, именно потому, что, по словам Ленина, эта правящая партия в эпоху осуществления диктатуры должна искусно лавировать и маневрировать на каждом этапе и повороте, уметь взять себе в союзники те или другие элементы из колеблющихся, из примыкающих и нестойких союзников, именно поскольку правящей партии необходимо проделывать эти политические маневры, она сама-то должна быть наиболее стойкой, наиболее монолитной и в своей идеологии и в руководстве должна быть под-

линно коммунистической, т.-е. ленинской партией, знающей точно свою цель и позволяющей себе маневры именно потому, что она может не опасаться, что тот или другой маневр увлечет ее в сторону. Поэтому, когда возникает мысль о том, что может быть для правящей партии—излишняя роскошь строгая чистота идеологии, борьба на идейном фронте, открытое провозглашение любой ошибки, сделанной каким бы то ни было товарищем, мы говорим: это было бы не по-ленински. По-ленински—для проведения победоносной пролетарской революции необходимо точное сознание цели партии, полная монолитность ее, действительное единомыслие в ее штабе, единство в руководстве.

С этой точки зрения мы должны оценить и ту дискуссию, которая заполнила этот год без Владимира Ильича. Дискуссия, которая велась за последние месяцы, является естественным продолжением той дискуссии, которая началась еще в прошлом году. Написано о причинах этой дискуссии и ее содержании слишком много. Я по содержанию этой дискуссии ничего нового прибавить не имею. Мы должны только теперь в эти дни отдать себе отчет, имели ли мы право итти на эту дискуссию, по-ленински ли мы шли на эту дискуссию, или мы здесь изменили духу ленинского учения. Я думаю, что партия имеет на это свой ответ. Единодушие партии, единодушие, неслыханное при прежних спорах внутри партии, всецело свидетельствует о том, что она глубоко и вполне уверена, что, об'являя реши-

тельную борьбу против подмены ленинизма троцкизмом, не допуская никакой ревизии ленинизма, она поступила так, как должна была поступить, поскольку хотела остаться партией ленинцев. На-днях ЦК должен будет сделать организационные выводы из этой дискуссии. Мы не можем здесь предрешить этих выводов, и я, как член коллегии, не могу здесь предрешать решений ЦК. Но мы можем, однако, быть совершенно уверенными, что так же, как защита основных начал ленинизма против всякой попытки ревизии их, была проведена правильно, решительно и до конца соответственно тому, чему учил нас Ленин, так и организационные выводы из этой дискуссии будут сделаны в том же духе ленинизма.

Я говорил об отношении Ленина и о том, чему он нас учил по вопросу о руководстве партии, об идеологии партии. Значит ли это, что Ильич применял этот метод и к самому составу партии? Нет, тут у него был и другой дополнительный критерий. Конечно, Ильич и к общему составу партии применял этот же метод выдержанной идеологии, но тут он заполнял его другим критерием, тем критерием, который он применял ко всей своей практике. Ильич жалел о том, что Маркс не написал книги о том, как делать пролетарскую революцию. Он неоднократно в частных разговорах указывал, что вот у Маркса можно многому научиться, а как делать пролетарскую революцию, об этом Маркс не написал, и не мог, конечно, написать.

Но Ильич дополнял: но то, что не дописал Маркс, доделают сами пролетарские массы. Их творчеству в революции, их классовому инстинкту больше всего доверял Владимир Ильич. И в вопросе о составе партии он применял отнюдь не только тот критерий, который должен быть применяем к штабу, к руководителю,—он применял классовый критерий, критерий классового состава партии. Он первый поднял вопрос о чистке, когда стало ясно, что наша партия, как партия привилегированная, привлекает к себе элементы, отнюдь не пролетарские ни по своей психологии, ни по своему происхождению. Ему принадлежит идея очищения партии ради ее опролетаризирования. И поэтому вполне в духе Ильича было то явление, которое тоже относится к величайшим итогам истекшего года, явление, которое мы называем ленинским призывом, когда пролетариат влил в наши ряды четверть миллиона лучших своих представителей для того, чтобы заделать ту брешь, которая образовалась с выходом из наших рядов тов. Ленина. Надо уметь это сочетать: прилив широких масс пролетариев в наши ряды и создание, таким образом, грандиозной, неслыханной пролетарской основы для самой партии с подлинным ленинским руководством, не допускающим никаких колебаний, следующим во всей своей политике политике и заветам Ленина и резко отметающим всякую попытку по каким бы то ни было предлогом заменить ленинские заветы какими бы то ни было другими. В этом сочета-

нии—сила, непреодолимая сила нашей партии и указание на ее дальнейшие пути.

Так складываются итоги этого года. Еще несколько слов о международной обстановке. Она мало благоприятна в данный момент. Но и в оценке ее Ленин оказался более прав, чем кто бы то ни было. Теперь совершенно ясно, как прав был Ильич в своей общей характеристике международной обстановки в своей статье „Лучше меньше, да лучше". Он сказал там: разные могут быть периоды, через разные этапы пройдет и развитие Запада и развитие Востока, но суть дела „в столкновении реакционного империалистического Запада с революционным националистическим Востоком". И это—та правда, которая вскрывает политические международные комбинации сегодняшнего дня. Мы видели пацифистски-демократическую эру и даже увлечение этой эрой среди некоторых коммунистов. Мы видели, как эта одежка империализма начала с него спадать, и он снова предстал перед нами в лице Чемберлена, в лице Муссолини, в лице Кулиджа, а вместе с тем мы видели, как эта империалистическая реакционная Европа и Америка разжигают все больше и больше революционное настроение Востока. „Эра" прошла и сменилась другой, может быть будут и еще смены, а основное, что наметил Ленин,—неизбежное столкновение империалистского Запада и революционного националистического Востока, который будет все больше и больше разжигаться империалистической политикой,—это остается,

как общая характеристика всего исторического процесса, который проходит перед нами.

Несмотря на неблагоприятные условия международной обстановки, несмотря на неурожай, несмотря на дискуссию, которая нас захватила в прошлый и в этот год, мы можем сказать: угнетенное человечество за этот год стало сильнее, стало организованнее, стало более подготовлено к той революционной борьбе, которая перед нами раскрывается. И если каждый год в эти дни мы будем приходить к Ильичу с тем, что сможем ему сказать: в этот год мы стали еще и еще сильнее, то тогда близок будет день, когда силы наши будут достаточны для того, чтобы целиком осуществить заветы Владимира Ильича. И тогда тот мавзолей на Красной площади в Москве, который уже сейчас стал средоточием всего борющегося мира, станет знаменем окончательной победы трудящегося человечества: ленинизм победит старый мир насилия и рабства.

ЛЕНИН.

С концом XIX столетия кончается последний период «мирного» органического развития капиталистического общества — период, начавшийся в крови Седана и парижских коммунаров. Новый XX век открывает период политических и социальных катастроф: войны, национальные революции (русская 1905 г., турецкая, китайская, персидская, португальская), колониальные восстания, национальные столкновения, перестройка государственных границ идут непрерывной чередой, и во втором десятилетии сливаются в мировую войну и мировое возмущение пролетариата. Азия и Африка втягиваются в общее движение, и новые сотни миллионов людей в революционных формах выступают на историческую арену.

В этой обстановке происходит крушение величайшей европейско-азиатской монархии Романовых. Именно этой международной обстановкой, обстановкой приближающегося крушения всего капиталистического общества,

объясняется важнейшая особенность русской революции: сближение, почти полное слияние краха полицейско-крепостнического государства и крушения господства капитала (1905 г.—февраль 1917 г.—октябрь 1917 г.). Эта особенность хода революционного движения в России не могла явиться результатом той или иной политической партии. Она была результатом своеобразного сочетания национальных особенностей русской экономики (слабость национальной буржуазии, социальная мощь пролетариата крупных фабрично-заводских центров, революционное положение крестьянства, убедившегося на деле, что оно может получить земли крепостников-помещиков только из рук пролетариата, захватившего власть) с обстановкой мирового состязания крупнейших империалистических держав и революционым пробуждением Востока.

Вот в этой-то атмосфере подготовки и развития величайшего массового революционного подъема, шедшего ко все более и более острым формам борьбы, на переломе двух всемирно-исторических эпох, в стране, соединяющей властвующую Европу империалистов с миром порабощенного Востока колониальных рабов — и мог только воспитаться и вырасти теоретический руководитель и практический вождь мирового пролетариата в его восстании против буржуазии.

После того, как гений Маркса, опиравшийся на революционные традиции классических бур-

жуазных революций и на революционный опыт 40 — 60-х годов, заложил основы программы и тактики мирового рабочего движения, Германия, Франция, Англия, отчасти и Россия дали рабочему движению первоклассных ученых, пропагандистов, популяризаторов, агитаторов и организаторов. Никто, однако, из этой великой плеяды работников рабочего дела (Бебель, Жорес, Гэд, Адлер, Плеханов) не перешел той грани, которая отделяет эпоху обучения, просвещения и собирания сил рабочего класса от эпохи штурма буржуазных твердынь старого мира. Для новой эпохи они оказались мертвы— и это стало ясно уже задолго до 4-го августа 1914 года.

Ясная формулировка новых задач и тактики новой эпохи в мировом рабочем движении была выработана не на кафедре германского рейхстага, не на трибуне французских рабочих собраний, не в правлениях английских трэд-юнионов, не на страницах «Neue Zeit», а на подпольных собраниях русских пролетариев-революционеров, где Ленин обсуждал и взвешивал тактику борьбы против царизма, опиравшегося на все силы международного капитализма.

Тактика, здесь обсуждавшаяся, задачи, здесь формулировавшиеся, не могли замкнуться в узко национальные рамки, рамки Российского государства, уже потому, что враг, против которого велась борьба, черпал свои силы во всей мировой организации капитала. Фран-

цузская биржа и английский империализм, связавшие прямым союзом свои судьбы с русским капиталом и властью русской буржуазии, сами толкали мысль передовых русских революционеров на международную арену, заставляли их ставить все вопросы своей борьбы в мировом масштабе. Милюков, Керенский и Церетелли, торжественно подтвердившие верность союзникам царизма, ничего не изменили в этом отношении: всемирный размах мысли, включение в сферу своих непосредственных интересов вопросов и проблем мирового пролетарского движения навязывались руководителю русского пролетариата самым историческим положением России за последние 25 лет больше, чем представителю рабочего движения какой бы то ни было другой страны.

17 лет назад, в эпоху первой Думы, самый сильный, самый умный (и потому наиболее ценимый Лениным) идейный противник Ленина Г. В. Плеханов спрашивал Ленина: «Где в его программе гарантии от реставрации?» — Ленин отвечал: «Полной гарантией от реставрации в России (речь шла о гарантиях при победе демократической революции) может быть исключительно социалистический переворот на Западе. Другой гарантии нет и быть не может... Чтобы удержать за собой победу, чтобы не допустить реставрации, русской революции нужен не русский резерв... Есть ли такой резерв на свете? Есть: социалистический пролетариат на Западе... Вопрос сводится к тому, как именно

и чем именно может революция в России облегчить или ускорить социалистическую революцию на Западе».

Это сказано не в 1920, не в 1917, не в 1914, а в 1906 г. И как не случаен этот ответ, как не случайно то, что отсталая земледельческая Россия стала первой страной социалистической революции, так не случайно, что революционное учение Маркса, извращенное и охолощенное оппортунизмом вождей на Западе, в руках Ленина вновь стало тем знаменем, под которым пролетарии «штурмуют небо», т.-е. тем, чем его создал и что в нем видел сам Маркс.

Историческая обстановка в Европе 1870—1900 г.г. сложилась так, что учение Маркса в руках его учеников стало больше всего орудием объяснения хода исторического развития и прогноза светлого будущего. Те элементы этого учения, которые звали к непосредственному революционному действию масс, которые заключали в себе не объяснение истории, а руководство для восставшего против буржуазии пролетариата, забывались и выветривались. Для русского пролетариата дело обстояло не так: на очереди дня стояло именно восстание, и он воспринял учение Маркса целиком, принужденный отстаивать против укоренившегося оппортунизма в особенности те черты учения Маркса, которые под презрительной кличкой «бланкизма», «заговорщичества», «утопизма» отвергались западно-евро-

нейскими мещанами от социализма, а вслед за ними и русскими оппортунистами — социал-демократами.

Для Ленина теория Маркса так же непреложна и целостна, является таким же ничем не заменимым орудием анализа, как основные алгебраические формулы для строителя-инженера. Ее практические выводы (учение об обострении классовой борьбы, о гражданской войне, о диктатуре пролетариата, о государстве), которые делают его учением боевого, воинствующего класса, которые зовут к наступлению, именно в работах Ленина получили ту разработку, которой не могли, не хотели дать западно-европейские теоретики: для них в эпоху после 1870 г. это было просто неинтересно. А Ленин именно за эти части учения Маркса вел бесчисленное количество войн с оппортунистами всех стран и всех мастей. Когда в 1901 г. он писал, что социалистическая организация должна быть готова к «подготовке, назначению и проведению всенародного вооруженного восстания», среднему социал-демократу Европы это не могло не казаться порождением варварски-отсталых условий борьбы в России. Но внимание к этим именно вопросам, сочетание марксизма с непосредственно-революционным движением широких масс сделало то, что, когда вопрос о восстании пролетариата стал на очередь дня во всей Европе, массы европейских рабочих именно в статьях, в работах и в опыте

Ленина должны искать ответов на насущные вопросы своего движения.

Страстное отстаивание боевых выводов учения о классовой борьбе, тех выводов, что вольно и невольно притуплялись в предшествующую эпоху, беспощадная борьба с малейшим отступлением от революционной теории, постоянная готовность остаться одному против «всех» — против «всех» на верхушках, зато в теснейшем единении с подлинными рабочими массами, — во имя «ортодоксального», т.-е. революционного марксизма, — вот та новая струя, которую в первую очередь внес Ленин в теорию и практику мирового социалистического движения. «Сектантство» и «раскольничество» — так пытались клеймить тактику Ленина мещане. Исторически же «сектантство» и «раскольничество» Ленина были только необходимым и неизбежным средством отстаивать и развивать те именно непосредственно-революционные стороны марксизма, которые стали живой водой для мирового пролетариата к концу империалистической войны.

И Каутский, и Плеханов, и Гэд вели великолепную плодотворную борьбу с оппортунизмом Бернштейнов и Мильеранов. Ясно, однако, что плоскость и захват этой борьбы были другие. Отстаивая в ряду с Каутским — (аграрный вопрос) — и Плехановым — (философия марксизма) — основы Марксова учения, Ленин поставил на очереди сначала в русском, а затем и в международном движении те вопросы непо-

средственного массового движения, которых те споры не затрагивали. Из сферы общих вопросов капиталистического развития и парламентской тактики вопросы были перенесены в сферу непосредственной борьбы восставшего и восстающего против капиталистического общества пролетариата — и тут-то оказалось, что непроходимая пропасть лежит не между Плехановым, Каутским, Лениным — с одной стороны — и Бернштейном — с другой, а между Лениным — с одной стороны — и Плехановым, Каутским, Гэдом и Бернштейном — с другой. В тяжелой, «сектантской», «раскольнической» двадцатилетней борьбе Ленина начала новой теории и новой тактики новой всемирно-исторической эпохи боролись, и в борьбе росли против лучших представителей умиравшего периода истории рабочего движения. Мертвое хотело заглушить живое, но живое выжило и победило, и через головы живых мертвецов протянуло руку вечноживым коммунарам Парижа и заветам Маркса.

Как бы в предвидении этой борьбы Ленин писал еще в 1901 г.: «Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда итти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не оступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и

выбрали путь борьбы, а не примирения». Это было верно в 1901 году, это верно и сейчас.

Если новая постановка новых вопросов теории и практики рабочего движения есть одна сторона того, что внес Ленин в мировое пролетарское движение, то новое отношение к роли масс в историческом строительстве является другой стороной того же.

И к этому вопросу необходимо подойти исторически. С 1848 и по 1905 г.г. — за исключением краткого периода Парижской Коммуны — массы трудящихся в Европе не появлялись на улицах ее благоустроенных городов в качестве х о з я е в и с т р о и т е л е й ж и з н и. Парламентарии замещали народ, а парламентские столкновения — уличную борьбу. Вопрос о власти, о насильственном перемещении власти из рук одного класса в руки другого был снят с очереди. Социалисты опирались на пролетарскую массу, но в качестве парламентариев и членов правлений союзов предпочитали действовать за нее, больше всего избегая ее непосредственных активных действий. На этом пути официальная социал-демократия зашла в тупик. Затхлая атмосфера этого тупика заставила Розу Люксембург года за 1½ до войны забить тревогу и вновь выдвинуть вопрос о непосредственных «массовых действиях» рабочего класса.

Между тем, русский пролетариат с начала века жил в атмосфере непосредственных массовых действий, прямых столкновений с охрани-

телями государственного порядка, а в 1905—6—7 годах неоднократно оказывался победителем в этих столкновениях и хозяином улицы. Он знал, что именно его массовыми открытыми действиями решается вопрос о власти и что нет других способов решить этот вопрос. Вопросы о непосредственной активности масс, о их самочинной свободно-складывающейся организации, о сочетании политической и экономической борьбы, о захватном осуществлении «свобод», о захвате власти в центре и в отдельных городах бастующими, демонстрирующими и вооруженными рабочими были самыми насущными, практическими вопросами движения. Практика этого самочинного, ломающего легальные рамки, идущего к захвату власти массового активного движения пролетариата нашла в Ленине своего выразителя. Он предвидел его теоретически, взвешивая в начале 900-х годов возможные формы борьбы пролетариата, он защищал его в 1905—7 г.г., он отстаивал традиции именно этого движения в глухую пору реакции 1908—12 г.г., он опирался на него, чтобы вырвать власть из рук буржуазии в 1917 году, он положил его — и теоретически, и практически — в основу строительства первого пролетарского государства.

Недоверие к кромсанию законопроектов парламентскими болтунами и абсолютная уверенность в том, что только непосредственное участие в историческом строительстве самих порабощенных

миллионов трудящихся способно вывести человечество из тупика — естественно укрепились в этой обстановке и стали исходным пунктом всей дальнейшей тактики Ленина. А только это и могло быть исходным пунктом всякой успешной политики в тот момент, когда мировая война вызвала к исторической жизни миллионы наемных рабов капитала. Именно в подобной теории больше всего нуждался мировой пролетариат, оказавшийся перед разбитым корытом надежд «реформистов», на смягчение противоречий и мирное перерождение капитализма в социализм. «Наступает, — писал Ленин в 1906 году, — период непосредственной политической деятельности «простонародия», которое попросту, прямо, немедленно ломает органы угнетения народа, захватывает власть, берет себе то, что считалось принадлежащим всяким грабителям народа, одним словом, когда именно просыпаются мысль и разум миллионов забитых людей, просыпаются не для чтения только книжек, а для дела, живого, человеческого дела, для исторического творчества».

Написать эти слова в 1906 году значило переместить весь центр тяжести понимания европейского социализма, значило открыть новый период пролетарской борьбы, значило указать основные руководящие принципы тактики пролетариата, переходящего от предварительного собирания сил к восстанию против капитала.

На почве этого абсолютного доверия к исто-

рическому творчеству трудящихся масс, творящих новый мир — по слову Ленина — со всей своей «девственной примитивностью, простой, грубоватой решительностью», — разрешена Лениным труднейшая для современного мирового движения пролетариата проблема — проблема власти, вековыми усилиями попов, юристов, государственных людей, профессоров и поэтов, закутанная во все обманы мистики и метафизики.

«Новая власть, как диктатура огромного большинства, могла держаться и держалась исключительно при помощи доверия огромной массы, исключительно тем, что привлекала самым свободным, самым широким и самым сильным образом всю массу к участию во власти. Ничего скрытного, ничего тайного, никаких регламентов, никаких формальностей. Ты — рабочий человек? Ты хочешь бороться за избавление России от горстки полицейских насильников? Ты наш товарищ. Выбирай своего депутата, сейчас же, немедленно выбирай, как считаешь удобным — мы охотно и радостно примем его в полноправные члены нашего совета рабочих депутатов, крестьянского комитета, совета солдатских депутатов. Это — власть, открытая для всех, делающая все на виду у массы, доступная массе, исходящая непосредственно от массы, прямой и непосредственный орган народный массы и ее воли».

Пролетариат России, Финляндии, Венгрии, Германии в 1917 — 20 г.г. на деле стал осуще-

ствлять эти слова 1906 г., казавшиеся тогда неслыханной ересью и бывшие на деле предвидением единственно возможных и неизбежных форм государственного строительства пролетариата, восстающего против старого мира.

Все государственное искусство Ленина в том, что он знал, что масса, миллионы трудящихся сделают то, что надо, что у пролетарского государства нет иных интересов, кроме интересов этих миллионов, что они сделают в сотни раз лучше, чем самая революционная канцелярия, и что основная и исчерпывающая задача заключается в том, чтобы втянуть эту массу всю донизу, до дна в государственную работу.

На это глубокое доверие к коллективному разуму трудящихся опиралась та воля к победе, без которой В. И. Ульянов не стал бы Лениным, и без которой дело ленинизма не могло бы осуществиться. У Ленина воля к победе, готовность взять власть не были чертой индивидуального характера, — любви к власти у Ильича не было ни на один грамм; это было выражение новых настроений миллионов, коллективного, тяжкой ценой купленного сознания их, что без решительной победы, без завоевания власти, без готовности этой властью орудовать, как рабочий орудует молотом, нет выхода из тупика. Воли к победе, решимости победить, смелости взять на себя все — все без исключения — последствия решительной победы не было в европейском социализме 1870 — 1900 г.г. Рабский страх перед победой, социо-

логия трусов — остаются и до сих пор основным признаком мирового меньшевизма. Именно этот страх рабов перед собственной победой превращает меньшевистких вождей — по слову Ленина — из рабов капитализма в его холопов, в хамов и лакеев своих господ.

Ленин знал: для того, чтобы выйти на широкую дорогу, рабочее движение должно прежде всего расстаться с этой психологией. «Не может быть и речи об энергичном, успешном сборе армии, руководстве ею без уверенности в том, что мы «смеем» победить», — писал Ленин. Вот почему уже накануне первой русской революции, в 1905 г., перед лицом меньшевиков он ребром поставил проблему победы пролетариата.

«Смеем» ли мы победить? Позволительно ли нам победить? Не опасно ли нам победить? Следует ли нам побеждать? Странный на первый взгляд вопрос этот, однако, был поставлен и должен был быть поставлен, ибо оппортунисты боялись (-ятся. Л. К.) победы, отучивали (-ают. Л. К.) пролетариат от нее, пророчили (-чат. Л. К.) беды от нее, высмеивали (вают Л. К.) лозунги, прямо зовущие к ней». Если гениальностью назвать умение выразить, сформулировать и сделать общепонятными мысль и чувство, зреющие в глубинах наибольшего количества людских существ и открывающие им новые исторические пути, — то перед нами именно такая гениальная мысль, охватывающая подавляющее большинство всего человечества, фор-

мулирующая его наиболее глубокие и потаенные чувства, единственно открывающая ему дорогу к будущему.

Реальным воплощением этой гениальной постановки вопроса был знаменитый ответ Ленина на вопрос о власти на первом съезде Советов в 1917 г., — ответ, предопределивший не только Октябрьскую революцию, но и победу Октябрьской революции. «Он (Церетелли или Керенский, или кто-то еще: — история, запомнившая навеки ответ Ленина, уже забыла имя вопрошателя) говорил, что нет в России политической партии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя. Я отвечаю — есть: наша партия от этого не отвертывается: каждую минуту она готова взять власть целиком».

Этим, смехом и возмущением встреченным, заявлением воли рабочего класса к победе, решимости его взять на себя власть и все ее последствия открывается новая эпоха в истории социализма и рабочего движения, а следовательно, и в истории судеб человечества.

Ленин всей своей личностью, своими идеями, своей работой не только воплощал новую эпоху рабочего движения с его революционным подъемом и «волей к победе». Он — победил на деле, что было труднее.

Ленин не только указал пути победы, он удержал плоды победы, что было еще труднее.

Эту победу он завещал нам развивать и расширять. Это можно сделать, лишь вооружившись оружием ленинизма.

ДЕЛО ЛЕНИНА.

Речь на VII всесоюзном съезде железнодорожников.

В. И. родился в скромной семье учителя, который своим трудом, постепенно поднимаясь от должности учителя, стал к моменту рождения Владимира Ильича директором народных училищ Симбирской губернии. Все воспоминания, которые сохранились об отце Владимира Ильича, рисуют нам человека очень скромного, чрезвычайно преданного делу народного образования, всю жизнь свою проведшего в деле расширения сети народных школ и их улучшения.

Ильичу было 17 лет, он был гимназистом последнего класса гимназии, когда, по приказу царя Александра III, был повешен старший брат Владимира Ильича, Александр Ильич. Александр Ильич был студентом Петербургского университета и в тяжелейшую годовщину реакции, в эпоху полного торжества царизма, когда во главе правительства стоял самый ограниченный, самый тупой, самый реакционный из русских царей — Александр III, Александр Ильич, собрав

небольшую группу товарищей, решил напомнить этому ограниченному по уму, но безграничному по своей власти монарху, что народные массы России поднимаются, что народные массы России не могут спокойно сносить царский гнет.

С небольшой группой товарищей он подготовил покушение на Александра III, и в тот самый день, когда они с бомбами в руках вышли для совершения этого покушения, благодаря предательству провокатора, они были захвачены полицией и через несколько дней повешены. Я сказал, что Владимиру Ильичу было тогда 17 лет. Мысль его, конечно, была потрясена этой трагедией его брата. Мысль его должна была заработать в направлении решения вопроса, правилен ли тот путь, который избрал его брат, действительно ли путь освобождения трудящихся масс лежит на путях уничтожения отдельных представителей насилия, царского гнета и капиталистической эксплуатации. Эта дорога — дорога уничтожения отдельных представителей власти — была уже испробована предшествующими поколениями революционеров. В продолжение десятилетия революционеры-интеллигенты выходили на единоборство с царской властью, гибли, как герои, в громадном количестве, уничтожая иногда ответственных представителей царской власти. Уничтожили и самого царя Александра II. Но этот испробованный путь явно упирался в тупик. Героическая борьба интеллигенции, оторванной от непосред-

ственной рабочей массы, не давала исхода, не показывала перспектив победы. Царизм оказывался сильнее кучки, хотя бы чрезвычайно героически и жертвенно настроенных, отдельных революционеров.

Мысль Владимира Ильича, естественно, должна была обратиться к вопросу: нет ли среди русского народа такого класса, интересы которого толкали бы его на борьбу со всякого рода и всякого вида гнетом и эсплуатацией.

Найти этот класс в России было тогда чрезвычайно трудно. Многомиллионная масса крестьянства, тяжко страдая, была, однако, не организована, рассыпана, не объединена, политически безграмотна, невежественна, и хотя время от времени вспыхивали под гнетом отдельные бунты и восстания крестьян, но единого, объединенного, из центра руководимого движения крестьянства не получилось, и отдельные крестьянские восстания и движения легко подавлялись царскими войсками и царским офицерством.

Рабочий класс в эти годы представлял едва заметную каплю в русском крестьянском море. Города были слабы, промышленность слабо развита, железнодорожная сеть очень невелика, политически и организационно развитого пролетариата очень мало, и нужно было великое проникновение в самую суть механики классовой борьбы, великое доверие к учению революционного социализма и марксизма, чтобы при этих условиях ответить на тот вопрос, который

стоял перед всеми, так, как ответил на него Владимир Ильич.

Его ответ уже тогда, в конце 80-х годов, на самой заре его сознательной жизни, гласил: «Освобождение трудящихся масс в России будет сделано не рукой героической интеллигенции, не единоборством этой интеллигенции с царизмом: оно не явится и результатом стихийного восстания крестьян; нет, — говорил Владимир Ильич, — это иллюзия, утопия, которая сбивает нас с пути. Нет. Освобождение придет только тогда, когда во главе крестьянских масс станет организованный и проникнутый сознанием своих классовых интересов пролетариат». Этот ответ в то время вызвал насмешки и издевательства. «Как, — говорили тогда Владимиру Ильичу и тем, которые за ним шли, — на какой пролетариат рассчитываете вы в крестьянской стране? Пролетариата у нас почти нет. Вы меняете, — говорили ему тогда, — героическую борьбу революционеров с царизмом на мелкую, невидную, кропотливую работу по организации рабочих кружков. Вы откладываете революцию на долгие годы, пока подрастет пролетариат, пока он поймет свои классовые интересы, пока он сорганизуется и выступит на революционную борьбу».

Таково было величайшее неверие в силы пролетариата со стороны даже революционных элементов так называемого образованного общества. Такие люди, как Владимир Ильич (а их было очень немного в те годы), представляли

тогда собой совершеннейшее исключение. Сторонники старого, так называемого народнического учения о революции, имели за собой десятилетние традиции, могли похвастаться и указать на своих погибших в борьбе героев, имели в своих руках легальную и нелегальную прессу, и они травили первых марксистов, которые собирались вокруг Владимира Ильича, как людей, которые безумными сказками о несуществующем пролетариате затемняют действительность.

Если бы во главе этих людей в нашей стране стоял не Владимир Ильич, а более слабый человек, он, быть может, под этими насмешками, окруженный этой атмосферой неверия, сдался бы, усомнился бы в своем деле.

Но Владимир Ильич был не таков. Его гигантский ум подверг российскую действительность анализу до конца. Он изучил эту действительность, рассмотрел все стороны экономической и политической жизни страны, взвесил силу революционных возможностей различных классов и сказал себе: «Или в России революционный пролетариат народится и поведет народ на борьбу, или Россия будет гнить под царским и капиталистическим сапогом». И вывод его был сделан немедленно, и это был вывод совершенно практический. Он сказал себе и другим: «Главное революционное дело сейчас не в том, чтобы готовить бомбы и взрывать жел. дорогу, по которой может проехать царь (чем занимались поколения предшествующих рево-

люционеров). Нет, не это важно. Важнее этих актов, серьезнее и для истории значительнее будет создание хотя бы маленького рабочего кружка, в котором революционный пролетариат научится понимать свои интересы, который станет завязью для той сети революционного социализма, которая должна впоследствии охватить весь рабочий класс».

Не обращая внимания ни на насмешки, ни на неверие, глубоко убежденный в скрытой силе рабочего класса, Владимир Ильич отдается с этого момента построению этих первоначальных первых рабочих ячеек нынешней пролетарской армии. Не думайте, товарищи, что Владимир Ильич всегда, как в последние годы, стоял перед всем миром на виду, как руководитель и вождь десятков и сотен миллионов людей. Было время, когда единственной трибуной, с которой мог говорить Владимир Ильич, была комнатка чернорабочего, в которой то, что в последние годы он развивал на весь мир, он должен был втолковывать максимум десятку рабочих, собравшихся в эту комнатку. И Владимир Ильич не брезговал этой работой, не брезговал ею потому, что завоевание головы одного пролетария он ценил больше, чем любое эффектное выступление, якобы, революционеров. Он знал, что, завоевав голову передового рабочего, он завоевывает через эту голову рабочий класс, и что завоевание рабочего класса решает дело. Та работа, которую повел тогда Влад. Ильич, была не заметна и не видна. Она на наш теперешний

масштаб кажется иногда прямо-таки смешной. Первый листок, который Владимир Ильич написал к рабочим Семянниковского завода в Петербурге, был распространен в количестве всего 4-х экземпляров. Больше нельзя было сделать. Не говоря уже о том, что у этой первой группы революционеров ленинского толка не было типографии, но и гектографом тогда они еще не обзавелись. Рукописная прокламация в 4-х экземплярах с призывом к стачке — таково было первое литературно-политическое произведение Владимира Ильича, обращенное непосредственно к рабочим. И вот от этой бумажки, от этих нескольких слов обращения В. Ильича к рабочим идет непрерывное развитие коммунистических воззваний, которые теперь, за подписью Ленина, рассыпаны по всему лицу земли не только Европы и Америки, но Азии, Африки и Австралии.

Эта работа по созданию рабочих кружков, по смыканию с рабочей массой оказала на Владимира Ильича громадное влияние. Как бы ни менялась потом форма работы Владимира Ильича, всегда оставалась в нем память об этих первых встречах между ним и пролетариатом. Революционную работу среди тогдашнего пролетариата следовало начинать с самых элементарных вещей. На той стадии развития рабочих масс нельзя, немыслимо было еще подойти к ним с прямым призывом или с прямой развернутой программой коммунистической революции. Рабочую массу надо было прежде всего

организовать на почве ее будничных, легко и всякому понятных интересов. И изучение будничной пролетарской жизни, изучение вопросов, ежедневно интересующих рабочую массу, было одним из главных методов работы Владимира Ильича.

Я помню, как Владимир Ильич рассказывал мне (да, эти воспоминания теперь повторяются часто), как он, сходясь с пролетариями в те годы, выпытывал у них все правила будничного распорядка в цехе, мастерской, на фабрике, правила о штрафах, о браковке, правила, которые регулируют ежедневную жизнь рабочего. С этого конца, с бытовых вопросов, с интересов, которые задевали каждого рабочего, хотел он подойти к рабочей массе, и это дело ему удалось.

Развивая эту свою работу, Владимир Ильич пришел к тому, что уже через год, в конце 1895 года, под его руководством организовался первый Комитет нашей партии, который носил тогда название «Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Это была первая рабочая коммунистическая революционная организация, которая положила основание всему дальнейшему ходу революционно-марксистского движения среди рабочих масс в России. Эта организация, благодаря тому методу работы, который указал Владимир Ильич, уже в следующем 1896 году привела к неслыханной в России, по своей громадности и по своему упорству стачек петербургских рабочих. Впервые в столице царя, в отсталой России, о кото-

рой говорили, что в ней нет пролетариата, что пролетариат, поскольку в ней он есть, не организован и распылен, впервые пролетарская масса организовала стачку, в которой принимало участие 40.000 рабочих, которая продолжалась несколько недель и которая произвела потрясающее впечатление не только в России, но и за границей. Впервые люди, не верившие в существование пролетариата, должны были сказать: да, пролетариат есть не только как сумма эксплуатируемых наемных рабочих, но как определенно организованная сила, сознавшая свои интересы и готовая к организованному и упорному выступлению. Европейские рабочие тогда впервые узнали, что не только в странах давнего промышленного и капиталистического развития, как Франция, Англия и Германия, но и в царской России есть рабочий класс, и что этот рабочий класс начинает двигаться по дороге решительной борьбы против царизма и против капитализма.

В самой этой стачке Владимир Ильич не мог уже участвовать: за несколько недель до нее он был арестован (9 декабря 1895 г.). Вместе с ним была арестована верхушка всей организации, но корни ее в рабочей среде были уже настолько глубоки, что даже арест верхушки организации не смог сорвать уже подготовленной и широко организованной забастовки. Владимир Ильич просидел тогда в тюрьме 14 месяцев и затем был выслан в Восточную Сибирь на три года. Эти 4 года, в течение которых он был насильственно

оторван от непосредственной работы среди пролетариата, прошли для Владимира Ильича, однако, не даром. Не только в ссылке, но и в тюрьме он продолжал упорнейшую работу по организации нашей партии. Эта работа могла быть только теоретической, только идейной, но, несмотря на крепкие запоры царских тюрем, Владимир Ильич оттуда фактически руководил рабочей организацией. Он употреблял все способы конспирации для того, чтобы передавать на волю прокламации, которые к тому времени ставший на ноги Союз Борьбы писал уж не от руки, а большей частью гектографировал, а иногда даже и печатал в тайных типографиях. Но не только прокламации писал Владимир Ильич в тюрьме, он там обрабатывал первую созданную в России программу нашей партии. Первый набросок программы, которую мы имеем и которая создана была в России, — это проект программы, написанный Владимиром Ильичем в 1896 году в тюрьме и пересланный на волю из-за тюремных стен.

Для того, чтобы не порывать связи с организацией, Владимир Ильич употреблял всевозможные методы. Надежда Константиновна Крупская, которая тогда служила связью между сидевшим в тюрьме Владимиром Ильичем и организацией рабочих на воле, рассказывала, до чего доходил Владимир Ильич в своих настойчивых попытках не оторваться от рабочего движения. Он писал прокламации, писал брошюры, писал проект программы жидким моло-

ком среди строчек в книгах, которые ему приносили с воли, и затем через жандармские лапы эти книги, скрыто начиненные уже революционными мыслями Владимира Ильича, проходили обратно и поступали в организацию. Это писание молоком надо было скрывать от тюремных сторожей, и Владимир Ильич придумал способ. Из черного хлеба, который давали для еды тюремным сидельцам, Владимир Ильич клеил маленькие чашечки, в которые наливал молоко и, мокая перо в эту молочную чернильницу, писал, а когда чувствовал, что сзади в тюремный глазок смотрит надзиратель, опрокидывал эту чернильницу себе в рот. Таким образом, ему, благодаря выдержке, хладнокровию, изобретательности, удалось во все время своего тюремного сидения поддерживать сношения с волей и влиять на первые шаги первой рабочей организации.

После 14 месяцев тюрьмы Ленин был послан в ссылку в Сибирь и попал в Минусинский уезд, в село Шушу. Там он прожил три года. Эти три года были посвящены прежде всего созданию научной работы Владимира Ильича, одному из главнейших его трудов, который называется: «Развитие капитализма в России». Это название легальное, придуманное отчасти для того, чтобы царская цензура допустила эту книгу. На самом деле содержанием этой книги является глубоко научное, основанное на переработке всего статистического материала об экономике России, доказательство того, что Россия неизбежно идет

путем, который создает пролетариат, доказательство того, что этот пролетариат в России уже является экономической решающей силой. Но Владимир Ильич никогда не удовлетворялся чисто научным или чисто литературным трудом. Владимир Ильич имел одну основную цель в своей жизни, и этой целью была революционная победа рабочего класса. Все остальное было этому подчинено. Если для того, чтобы обосновать победу рабочего класса, надо было засесть за научный материал, за статистику, рыться и копаться в длинных рядах цифр, Владимир Ильич становился ученым. Если в другой период положение нашей партии требовало, чтобы были выяснены философские предпосылки тактики рабочего класса, Владимир Ильич, который не считал себя философом, садился за изучение философии, углубляясь в это дело, раз это было необходимо для той цели, которой он служит. Владимир Ильич является, несомненно, и в области экономики, и в области статистики, и в области истории, и в области философии — одним из величайших ученых, но вся его наука носила глубоко практический характер. Не наука для науки, не философия для философии, не литература для литературы, не публицистика для публицистики, — а все это только для революции, постольку, поскольку это нужно рабочему классу, и только в том виде, в каком это может стать орудием освобождения в руках рабочего класса.

Этой верховной целью, которая всегда стоя-

ла перед Вл. Ильичем и от которой он никогда не отклонялся, объясняется то, что все его произведения от самых первых до самых последних носят характер боевых выступлений. Работая, Вл. Ильич всегда думал, как лучше вооружить рабочий класс, — и, если для этого вооружения нужны были толстые книги, он писал толстые книги, если для этого вооружения нужны были прокламации или листовки, он делал эту работу. И в ссылке, не ограничиваясь созданием той книги, которая на десятки лет явилась оружием для всех сторонников Маркса, он повел самую ожесточенную, бешеную, как он выражался, борьбу с тем неправильным уклоном в рабочем движении, который тогда проявлялся.

Если вы вникнете во всю историю деятельности Вл. Ильича, то вы увидите, что громадная доля энергии, громадная доля ума Вл. Ильича была посвящена именно борьбе со всякого рода уклонами, которые пытались найти себе место в рабочем классе. Почему? Вл. Ильич дал сам это объяснение и неоднократно возвращался к нему. Рабочий класс везде и всюду окружен буржуазной средой, в России рабочий класс окружен мелкобуржуазной средой; везде и всюду буржуазия пытается влиять на рабочий класс, и нет такой каменной или стальной стены, которая отделяла бы рабочий класс от всего, что не есть пролетариат, и поэтому неизбежно проникновение буржуазных тенденций, проникновение мелкобуржуазных иллюзий,

ошибок и обманов в те или другие слои рабочего класса, особенно в те слои рабочего класса, которые только начинают подыматься, которые только начинают перевариваться в котле крупной машинной индустрии. Такие влияния постоянно пытаются завоевать рабочий класс, и этим путем буржуазия борется за голову рабочего класса.

Рабочий класс России на тяжелом опыте начала 1917 г. убедился, что иногда буржуазии удается завоевать голову части пролетариата и что это есть самое крупное ее завоевание. Мы видим перед собою английский рабочий класс, американский и германский рабочий класс и видим, что часть этих пролетариев все еще находится под давлением и влиянием мелкобуржуазных, а иногда и прямо буржуазных предрассудков, и нам, коммунистам, прежде чем завоевать власть в том или другом государстве, приходится предварительно завоевывать мозги пролетария. Вл. Ильич с самых первых своих политических шагов знал опасность, которая угрожает рабочему классу с этой стороны; и поэтому он был так непреклонен по отношению ко всякому уклону, который проявлялся в ходе рабочего движения. Он понимал, что буржуазия гораздо богаче нас, что в ее руках тысячи способов влиять на голову рабочего, что в пользу буржуазии действуют традиции, невежество, забитость, все школы, вся религия, все университеты, вся буржуазная наука. А против этого что?.. Классовый инстинкт пролетариата. Тот

пролетарский разум, который выковывается в ходе самой борьбы. И вот соскрести эту шелуху старых традиций, прояснить, просветить голову пролетария — это можно было только неустанной, ни перед чем не останавливающейся борьбой за основные принципы революционного коммунизма, иначе говоря — марксизма. Вот почему вся жизнь Владимира Ильича была неустанной борьбой за эти принципы против всех возможных форм буржуазного влияния на пролетариат.

Эта борьба, которую так блистательно провел Вл. Ильич, разоблачив перед пролетариями всего мира подлинную буржуазную сущность всех так называемых социалистов, анархистов, меньшевиков, социалистов-революционеров и, как бы они там ни назывались, эта борьба еще не закончена. Мы эту борьбу продолжаем и мы должны победить в этой борьбе, где ставкой является мозг пролетария, но для победы мы должны следовать заветам Ильича, который говорил: в области идей, в области принципов революционной борьбы, в области основ революционного марксизма — никаких уступок, борьба до конца.

Первая попытка затушить революционное движение пролетариата, с которой Владимиру Ильичу пришлось столкнуться, — был так называемый экономизм. Когда я говорил о том, что Б. И. для того, чтобы подойти к делу организации пролетариев, начинал с самого будничного, — с штрафов, с мастеров, с длины рабочего

дня, с той или другой обиды рабочему, — то мы понимали с вами, что у него была верховная цель, что Ильич видел цель рабочего класса гораздо дальше и гораздо выше, чем борьба с тем или другим злоупотреблением. Не с тем или другим злоупотреблением капитализма звал нас бороться Вл. Ильич, а с самими основами капитализма. Он вел рабочий класс к пониманию основ капиталистического угнетения через понимание этих отдельных злоупотреблений. Но нашлись люди, которые сказали: рабочему классу надлежит вести борьбу за улучшение своего экономического положения. Но дальше ему итти не зачем. В политику мешаться — это не его дело. Пускай рабочий на своей фабрике, на своем заводе, в своем союзе борется за улучшение своего положения. Но когда дело идет об общеполитических задачах, тут нет места рабочему классу как особой политической силе. Тут и рабочий, и крестьянин, и угнетенный интеллигент, и обездоленный буржуа, которому надоел городовой и его взяточничество — тут они должны выступать единым фронтом. Это — крайнее выражение той теории, которая получила название экономизма. Против этой теории поднял впервые голос Владимир Ильич и повел против нее бешеную атаку. Мы с вами теперь-то, через 25 лет после борьбы с экономистами, понимаем, что это так называемое экономическое течение было не чем иным, как попыткой буржуазии придержать рабочее движение под своим крылышком, не дать рабочему классу

развернуться, как самостоятельной политической силе. И эта линия затем идет через всю политическую историю противников Вл. Ильича. Она переходит от экономистов к меньшевикам, от меньшевиков к ликвидаторам, оттуда к эсэрам. На всем длинном и тернистом пути рабочего движения в России мы видим борьбу двух тенденций: одна — ленинская, другая прикрывается разными названиями, фигурирует под разными масками, но всегда имеет одну цель — поставить рабочий класс под руководство буржуазии. Иногда эта вторая тенденция прикрывается высокими революционными лозунгами, иногда она действует на широкие, даже рабочие, массы, особенно на отсталые слои пролетариата. Получается увлечение то меньшевиками, то эсэрами. Но на самом деле под этими разными масками кроется всегда одна тенденция, и этой тенденции, сворачивающей рабочий класс под господство буржуазии, противостоит другая тенденция — ленинская тенденция самостоятельного классового революционного движения пролетариата, который должен был уже и в царской России воевать не только против царизма, как звали его меньшевики, но и против царизма, и против буржуазии.

Уже накануне первой российской революции 1905 года произошел в нашей партии тот раскол на большевиков и меньшевиков, который предопределил дальнейшую судьбу революции. Теперь, по письмам Вл. Ильича, по его рассказам мы знаем, как тяжело переживал В. И. этот рас-

кол. Многим казалось, что Вл. Ильич по натуре раскольник, или, как его называли, сектант, т.-е. прямолинейный человек, не идущий на соглашение даже со своими ближайшими соседями, жертвующий ради своей линии тем выигрышем, который казался ясным, если соединить Владимира Ильича с его соседями справа и слева. Но на самом деле тут дело шло не о сектантстве В. И., не о его какой-нибудь предвзятости, непримиримости. Тут дело шло о том, что создать революционную партию пролетариата в стране, насыщенной мелкобуржуазными отношениями, мелкобуржуазными и буржуазными влияниями, нельзя было иначе, как путем самой резкой, самой бешеной, самой непримиримой борьбы с малейшими уклонами от пролетарской линии.

Уже в 1903 — 4 г.г., накануне первой революции, выяснились сразу два пути, которые лежат перед рабочим классом России. Один путь был оформлен меньшевиками, и этот путь они нарисовали такими словами: рабочий класс должен развивать свое движение таким образом, чтобы не напугать буржуазию. Борясь с царизмом, говорили они, рабочий класс должен быть умерен, ограничен в своих требованиях, не должен выставлять таких лозунгов, которые бы отпугивали буржуазию. Это была линия меньшевиков, а меньшевики тогда еще имели влияние среди рабочего класса, и некоторые группы рабочих шли за ними. Линия Владимира Ильича была прямо противоположная. Линия Владимира Ильича заключалась в следующем: перед нами

грандиозное революционное движение. Это грандиозное революционное движение может кончиться двояко. Оно может кончиться тем, что соединенные силы всех недовольных сбросят царизм, и на месте царизма создастся обычное буржуазное, хотя бы и демократическое государство, в котором рабочий класс будет находиться под господством буржуазии. Но есть другой путь, это — великая революция трудящихся, которая не ограничится выкидышем демократического строя, а развернется до самого конца, до полного исчерпания революционных возможностей. Кто же, — спрашивал Владимир Ильич, — может развернуть революцию до конца? Только, — гласил его ответ, — рабочий класс, если он увлечет за собой крестьянство, если он докажет крестьянству на деле, что крестьянству выгоднее пойти с рабочим классом в деле социалистического строительства, и таким образом вырвет отсталое, живущее по традициям, привыкшее к известным формам экономического бытия крестьянство из-под влияния буржуазии. Борьба пролетариата с буржуазией за влияние, за захват основной массы населения, которая решает дело борьбы, за крестьянство — вот в чем Владимир Ильич видел основную задачу не только в революции 1917 года, но уже в революции 1905 года.

Надо помнить, что все революции XIX и XX веков, до нашей Октябрьской революции, кончались буржуазными выкидышами, потому что буржуазия в решающий момент могла опереть-

ся на пассивность крестьянства, а рабочий класс не имел за собой его активной поддержки.

Общая история всех буржуазных революций имеет такую схему: пролетариат идет вперед, дерется на баррикадах, ниспровергает абсолютизм, а на следующий день сам пролетариат погибает под штыками какой-нибудь буржуазной партии, при равнодушии крестьянства, которое считает себя удовлетворенным: революция кончается торжеством буржуазии, новым порабощением и пролетариата и крестьянства.

Вот таких путей и нужно было избегнуть российскому пролетариату, а на этот путь влекли его все партии, за исключением большевиков. Как же рисовал себе Владимир Ильич механику этой борьбы? Первая задача — завоевать мозг пролетариата. Вторая задача — этот пролетариат, проникнутый революционным духом и революционной теорией, должен увлечь за собой крестьянство. Эту поддержку крестьянством рабочих в революции 1905 года рисовал Владимир Ильич уже тогда, как диктатуру пролетариата и крестьянства, а в первых Советах Рабочих Депутатов, которые просуществовали тогда несколько недель, видел зачаток новой революционной власти.

Не думайте, что идею Советов рабочих депутатов, как новый тип государственной власти, как тип государства, в котором осуществляется диктатура пролетариата, что эту идею Владимир Ильич привез из-за границы в апреле 1917 года, когда из изгнания вернулся к нам,

сюда. Нет, эта идея родилась у него, когда он наблюдал первый Совет рабочих депутатов в Петрограде в 1905 году. Ложь,— будто бы нам, большевикам, под руководством Владимира Ильича, в 1917 году пришлось перестраивать фронт и «перевооружаться». Нет, с 1905 г. основные лозунги, основные методы действия и даже отдельные проблески нового типа Советского государства были уже у большевиков, и значит, прежде всего, были у тов. Ленина. Этому он научился не из книжек, потому что, как он неоднократно говорил, в самых хороших книгах написано, почему пролетарская революция неизбежна, но нет такой книги, где было бы написано, как пролетарскую революцию делать и что делать на следующий день, когда пролетариат возьмет власть. Этих книг Маркс не написал. Маркс написал и показал, как неизбежно капитализм создает пролетариат, как этот пролетариат неизбежно поднимется на восстание против капитализма и как неизбежно превращение капиталистического общества в новое социалистическое. Но как делается социалистическая революция и что делать на следующий день после того, как пролетариат получает власть в свои руки, — эту книгу написал только Ленин. Ленинские ответы на эти вопросы были написаны не столько пером на бумаге; они написаны его делом, начиная с кануна Октябрьской революции и до последнего дня его жизни. Хотя Владимир Ильич Ленин, как на гранитном фундаменте, стоит на учении Маркса, но он про-

двинул это учение вперед, продвинул именно так, что перевел научный социализм из теории превращения капиталистического общества в социалистическое общество и создания социалистического общества в практику пролетарской революции, показал, как это делается, и этот величайший урок марксизма, который лично принадлежит тов. Ленину, и является его заслугой всемирно-исторического значения. Этим Ленин превратил партию ленинцев в образец для пролетариев всего мира в момент, когда перед ним стали непосредственно-революционные задачи.

Нужно помнить, что основы большевизма, как пролетарского социализма в действии, были созданы уже в 1905 году соединением величайшего ума Владимира Ильича с теми массовыми стихийными действиями, которые тогда разворачивал пролетариат. Политику Ленина в 1905 г. можно сформулировать в таких словах: «Мы боремся не только с царизмом, мы боремся и с буржуазным либерализмом за то, чтобы присоединить к себе крестьянство и чтобы, соединившись с крестьянством, установить диктатуру пролетариата и крестьянства через Советы рабочих и крестьянских депутатов». Вы знаете, что эта политика, выдвинутая Ильичем в борьбе с меньшевиками, с эс-эрами и со всеми колеблющимися даже в нашей среде, в 1905 г. не дала непосредственной победы.

Почему первая попытка рабочего класса, руководимого Владимиром Ильичем, была разби-

та? Потому, что крестьянство оказалось тогда достаточно отсталым и достаточно подчиненным буржуазным и мелкобуржуазным влияниям для того, чтобы дать царизму такую армию, которая задавила восстание 1905 года. Революция пролетариата, лишь частично поддержанная стихийным аграрным движением крестьянства, была задавлена руками крестьян-солдат. Наступила полоса реакции. Было разбито революционное движение рабочего класса. Аграрное крестьянское движение погибло в крови. Буржуазия заключила сделку с царизмом. Царизм дал ей подачку. Воцарилось внешнее спокойствие, и нашлись бывшие революционеры, те же меньшевики и эс-эры, не говоря о кадетах, которые заявляли: «первая революция разбита, а второй революции в России не бывать. Россия пойдет по мирному пути развития. Не бурными революционными кризисами будет дальше продвигаться ее развитие, а медленным путем уступочек, даваемых рабочему классу. От буржуазии будет зависеть то или другое улучшение его положения».

Вся обывательщина, все так называемое образованное общество, ссылаясь на упадок революционного настроения в рабочем классе и крестьянстве, пело панихиду по революции и революционерам и негодовало на Ленина, который один остался на посту и говорил: как бы вы ни торжествовали, будет на нашей улице праздник. Этого праздника, товарищи, пришлось ждать очень долго и в очень тяжких условиях. Не было

эпохи гнуснее, чем эпоха ренегатства, отчаяния, уныния, оплевания всех революционных традиций 1905 года, наступившая после разгона 1-й и 2-й Думы и тянувшаяся с 1907 вплоть до 1912 года. Темная ночь нависла над нашей партией; лучшие люди были на каторге, в тюрьмах; Ленин с небольшой кучкой эмигрировал за границу, в Женеву, партия, казалось, умерла, и на костях ее торжествовали ликвидаторы, которые говорили, что партия больше не нужна, что дело решено, история взвесила и решила: первая революция была, а второй не бывать. Против этой громадной волны уныния, ренегатства, отчаяния, отступления и предательства Вл. Ильич один высоко держал красное знамя в полной уверенности, что вторая революция неизбежна, что, несмотря на виселицу Столыпина, несмотря на военные суды Николая II, несмотря на то, что лучшие силы рабочего класса были вырваны из его рядов в первых боях, вторая революция придет. Вл. Ильич говорил тогда: «Не было такой революции, которая победила бы сразу; рабочий класс идет к победе через поражения; тот, кто падает духом после первого поражения, — не революционер». Он занялся изучением действительности, зарылся в книги, в статистику, в экономику и пришел к выводу: «Нет! Революционная задача не разрешена. Крестьянство не удовлетворено, рабочий класс не может успокоиться. Вторая революция неизбежна, и к этой революции должны готовиться те марксисты, которые не хотят продать свое звание револю-

ционных коммунистов». По клочкам сосгавлял он вновь партию и крепил ее до того момента, когда для всех стало ясно, что его теория оправдалась, а теория умеренных постепеновцев, которые пели панихиду русской революции, была похоронена.

Через 7 лет после первого поражения вновь начинается волна рабочего подъема. Ленский расстрел прозвучал, как набат, и, конечно, мог так прозвучать, потому что уже в предшествующий период везде и всюду рабочий класс оправился от поражений, и вновь в нем накопилась революционная энергия. Прошло настроение подавленности и разбитости, а ленинская организация оказалась на своем посту и смогла поднять то знамя, которое у рабочего класса было вырвано ударами царских штыков в 1912 году. С 1912 года, пользуясь всеми реальными возможностями, применяя всю гибкость своего тактического гения и соединяя подпольную деятельность с надпольной, с легальной работой по захвату легальной печати, по использованию трибуны в Государственной Думе, Владимир Ильич вновь широко развертывает знамя революционной борьбы. История не только подтвердила правильность той перспективы, которую поставил Владимир Ильич в самые черные годы, но больше того — широким размахом движения 1912 — 13 и начала 14 годов история подтвердила, что Россия шла к новой революции и что эта новая революция не могла совершиться в иных формах, как в форме диктатуры про-

летариата, ведущей за собой крестьянство, и борющихся не только против царизма и либерализма, но и против предателей социализма, политика которых заключалась в том, чтобы приучить рабочих к подчинению буржуазному руководству. Их влияние было подорвано.

Империалистическая война застала Ленинград в баррикадах, но эти баррикады исчезли, когда раздался трубный глас империалистической войны. Мы ступили в самый мрачный период для рабочего движения и для подлинного социализма. В этот момент Вл. Ильич опять оказался один. Все, даже самые заслуженные, те, у которых издавна мы привыкли учиться — Каутский, Гэд — оказались в этот момент в другом стане и заняли позицию, которая на деле превращала их в наемников буржуазии для вербовки солдат для империалистической войны. Буржуазия использовала обстоятельства очень хорошо. Вербовать для своих армий солдат среди пролетариата Пуанкаре, Ллойд-Джордж сами не могли. Им необходимы были передаточные инстанции — люди, которым бы пролетариат верил, за которыми бы пролетариат пошел, обманные речи которых пролетариат выслушал бы. И все эти Каутские, Вандервельды и Шейдеманы сыграли роль дудок, на которых наигрывала буржуазия и за которыми, как это ни горько сказать, но (надо смотреть прямо в глаза действительности) пошла значительная доля рабочего класса. Понадобились испытания самой империалистической войны, понадобилось,

чтобы рабочие сами пережили и испытали окопы и ужасы войны, чтобы они на деле научились понимать, что эта война есть война буржуазии с буржуазией за интересы только буржуазии, война против интересов рабочего класса. И нужны были величайшие усилия, нужна была колоссальная сила воли и величайшая вера в разум рабочего класса для того, чтобы при том всеобщем безумии, в которое был ввергнут мир, остаться на своем посту и сказать: «Да, рабочий класс подтолкнут на неправильную дорогу, но я остаюсь на своем посту, зная, веря, будучи убежден, что рабочий класс через испытания войны вернется на правильную дорогу».

Эту позицию один во всем мире занял Владимир Ильич. Безумцем казался он тогда, безумным казался слабый голос человека, эмигранта, заброшенного на чужбину, не имевшего средств на то, чтобы написать мелкий листок воззвания к пролетариату, который, написав этот листок, не имел возможности даже его напечатать и распространить. И вот он один возвысил голос против войны и один он верил, что пролетариат вернется с этого пути, на который его толкали Каутские и Вандервельды. И он дождался этого момента. Первый прорыв капиталистического фронта был совершен нашей революцией, и первый лозунг, который выбросил Вл. Ильич, когда вернулся из изгнания в Россию, был: «Мы должны развернуть нашу революцию в мировую революцию, чтобы сделать

невозможным повторение империалистической войны».

Вся дальнейшая деятельность Вл. Ильича прошла под этим знаменем. Вы знаете, товарищи, что было много колебаний и среди самого рабочего класса и даже среди большевистской партии перед грандиозной задачей, которую поставил перед нами Вл. Ильич, когда он сказал нам: «Товарищи, пришла пора, когда мы должны не только сбросить старую власть, но должны отважиться взять власть в свои руки и руками рабочего класса строить новое государство». Когда раздались эти слова, многих обуяло сомнение, слишком тяжела казалась ноша, которую Вл. Ильич хотел возложить на плечи рабочего класса России. Выдержим ли мы, устоим ли мы, не будет ли наш захват власти только эпизодом, только восстанием Парижской Коммуны, которое через 70 дней было задавлено в крови буржуазией? У Вл. Ильича не было сомнений, он шел вперед в твердой уверенности, что империалистическая война, горечь и негодование, которые скопились в среде трудящихся против того строя, который привел к этой войне, приведут к тому, что власть мы не только захватим, но мы ее и удержим. Вся дальнейшая работа Вл. Ильича была посвящена тому, чтобы, держа в руках власть, отбиться от врагов и заложить первые камни нового социалистического строя.

Я уже говорил, что тут не было у нас никаких примеров, и не было у Вл. Ильича никаких

руководств, не было какого-нибудь исторического примера, по которому можно было бы решить тот или другой вопрос, а вопросы, которые вставали перед всеми нами, перед каждым из вас, а особенно перед Вл. Ильичем, как руководителем нового типа государства, были необычайно велики, разнобразны, необъятны и жизненны тем, что задевали каждого человека в громадной стране. Мы имеем в первый раз в истории опыт построения пролетарского государства в условиях наименее выгодных.

Первое пролетарское государство было установлено в стране, которая, по характеру своей экономики, является мелкобуржуазной страной, и в продолжении годов это государство должно было жить, не получая непосредственной прямой поддержки от пролетариата больших капиталистических стран, оставаясь единственной пролетарской республикой в мире. Провести среди этих трудных условий наш корабль с тем, чтобы он не разбился ни о белогвардейские подводные камни, ни об экономическую разруху, ни о голод, ни о недовольство, ни о неорганизованность, построить новый, весь сверху донизу государственный аппарат, создать Коминтерн как международную организацию пролетариата, — такую работу, конечно, может поднять на свои плечи только величайший гений всех веков. И грандиозность этой работы, ее новизна настолько ясны всем, что нет ни одного буржуазного врага нашего, который, изливая потоки клеветы на нашу партию и, в частности,

на Вл. Ильича, не должен был бы признать в Ленине величайшего государственного деятеля, которого только видел мир, государственного деятеля, надо добавить, который из нового материала создает новое невиданное государство.

Эту постройку Вл. Ильич не закончил, но он заложил ее основы, он показал нам, как необходимо маневрировать для того, чтобы это новое государство вывести из тех подводных камней, о которые оно может разбиться. Владимир Ильич говорил неоднократно: «Революция в России может быть закончена только революцией пролетариата нескольких передовых стран. Мы сейчас находимся на переломе, мы укрепляем свою революцию, мы добились уже такого положения, когда нам непосредственно не может угрожать ни извне, ни изнутри какой бы то ни было сокрушительный удар; но мы еще не дошли до того момента, когда наша пролетарская республика пополнится и укрепится союзом с другими пролетарскими республиками». В этот переходный момент мы и потеряли своего вождя.

Для того, чтобы не поддаться унынию, для того, чтобы продолжать его дело, мы и должны вспоминать всегда и постоянно его основной урок, то, что придавало ему силы, что делало его величайшим строителем, величайшим вождем и что я пытался показать в этом кратком обзоре его жизни и борьбы. Это была ничем непреоборимая вера в творческие силы рабочего класса. Ильич в самые глухие годы реак-

ции, в моменты поражений, когда, казалось, наши идеи и наше дело затоптаны жандармским сапогом, верил, что рабочий класс свое возьмет, классовый инстинкт пролетариата и классовый разум пролетарского коллектива выведут его на дорогу, укажут ему правильный путь. Когда накануне Октябрьских дней каждого из нас обуревало сомнение, справимся ли мы с великой задачей и устоим ли в неравной борьбе, Владимир Ильич, руководясь этой непреоборимой верой в разум трудящихся, говорил: «Мы поможем рабочему классу разрушить старый строй, а новый строй рабочий класс построит своими руками, ошибаясь, падая и подымаясь, но рабочий класс единственный, кто этот строй может построить». Были моменты, когда контр-революция подносила нож к нашему горлу, то в виде белогвардейской армии, то в виде голода, то в виде блокады, то в виде полной хозяйственной разрухи, когда, казалось, потеряны пути, а Владимир Ильич неколебимо стоял на своем посту, зная, что рабочий класс внутри себя имеет такие непреоборимые силы, что, если для него расчистить путь, если опереться на него, если апеллировать к творческим силам рабочего класса, победа неизбежна.

Вот эту веру в разум, волю и силу рабочего класса Владимир Ильич нам завещал. С этой верой победа того дела, которое возглавил Владимир Ильич, несомненна. Объединение величайшего революционного опыта российского пролетариата с той остро отточенной гениаль-

ной мыслью и гибкой тактикой, пример которой нам дал Владимир Ильич, — вот залог наших дальнейших побед.

Партия, на которую смерть Владимира Ильича обрушилась громадным горем, инстинктивно в этот тяжкий момент апеллировала к рабочей массе, и рабочая масса откликнулась. Рабочая масса хочет ту рану, которая открылась со смертью Владимира Ильича, залечить собственными телами, они идут в ту брешь, которая открылась в наших рядах, когда погиб наш великий командарм, Владимир Ильич. К нам идут лучшие представители рабочего класса, которые действуют уже на основании опыта длинных, тяжких лет гражданской войны, сознательно веря в нас и испытав нас, но мы знаем, что имя Ленина окружено величайшим почтением и доверием и среди крестьянства, что для крестьянства беспартийного, даже иногда отрицательно относящегося к коммунизму, Ленин есть истинный освободитель. Для крестьян в Ленине воплотилась та громадная роль, которую сыграл рабочий класс в деле его освобождения, ибо не было еще в мире революции, когда освобождение деревни, поднятие деревни к всемирной исторической жизни было проведено так глубоко, до конца, с теми неисчислимыми на годы и десятилетия последствиями, как это сделал Владимир Ильич.

В одной своей статье Владимир Ильич говорит, что, что бы нас ни ожидало, но в нашей стране произошла такая встряска всех остатков

капитализма, феодализма и царизма, как это не сделала ни одна самая решительная революция. Это чувствуют крестьяне, и если рабочий класс идет в нашу партию с сознанием своих классовых интересов, чтобы своими телами заделать ту брешь, которая открылась с того момента, когда погиб Владимир Ильич, то под знаменем Ленина идут на поддержку нашему строительству также и широкие массы крестьянства, с которыми вместе мы незыблемо укрепим Советскую республику.

Нет человека, имя которого звучало бы громче в пролетарских сердцах, чем имя Ленина, и недалек тот час, когда к мавзолею на Красной площади мы принесем одну радостную весть, которую можно сказать на этой площади, весть о том, что дело Ленина, дело пролетарского коммунизма, победило во всем мире.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)

Цена 30 коп.